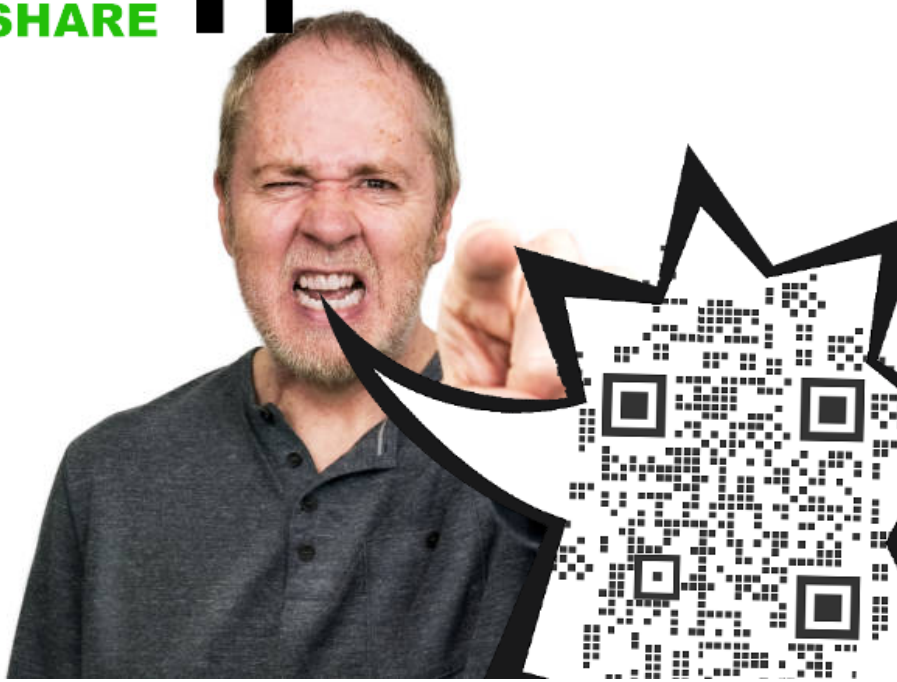
Б.В.БЫЧЕВСКИЙ

КОМАНДУЮЩИЙ ФРОНТОМ

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

SHOUT
SHARE
IT



Annotation

Вторая часть книги "Город-фронт" и посвящена одному из выдающихся советских полководцев – маршалу Леониду Александровичу Говорову. Автор книги генерал-лейтенант инженерных войск Б. В. Бычевский, воевавший под командованием Л. А. Говорова, интересно рассказывает о его полководческом мастерстве, ярко и достоверно рисует облик своего героя

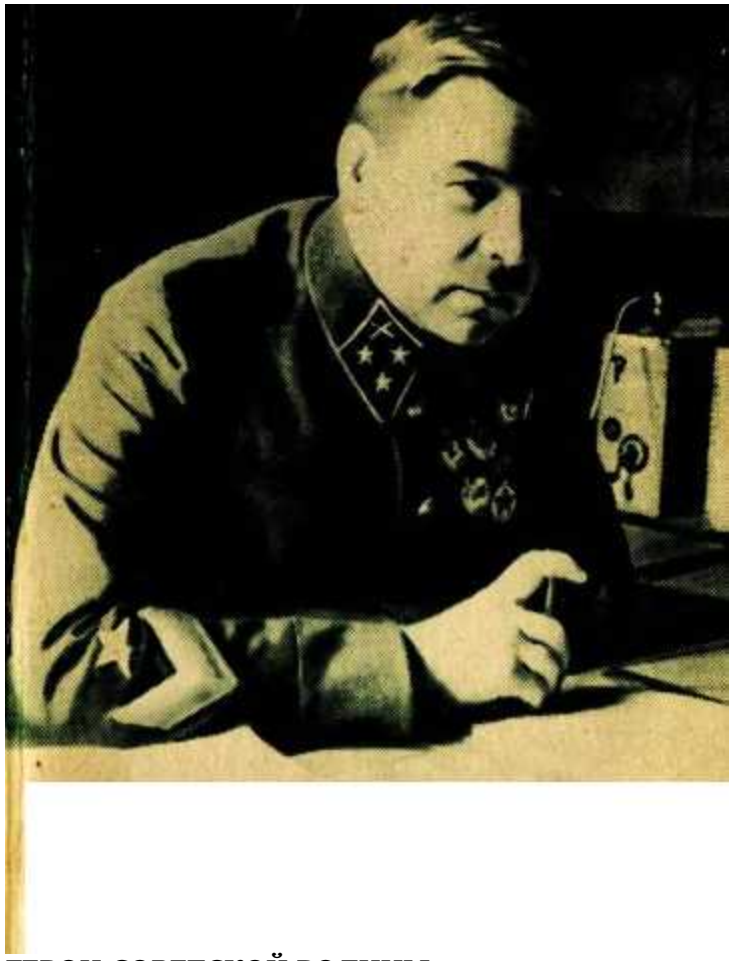
•

КОМАНДУЮЩИЙ ФРОНТОМ
Не мыслю себя вне партии
Увертюра к прорыву
4»

Разгром 18-й армии 9 сентября 1943 года Л. А. Говоров и А. А. Жданов представили в Ставку первые соображения по замыслу будущей операции. В них было написано: «...Военный совет Ленинградского фронта считает своевременным поставить вопрос о разгроме 18-й ар-

В финальных сражениях 18 июня 1944 года Леониду Александровичу Говорову указом Президиума Верховного Совета Союза ССР было присвоено звание Маршала Советского Союза. Это случилось в разгар, точнее на заключительном этапе одной из финальных операций войск Ленинградского фронта — операции по разгрому финской армии на Карельском перешейке.

Содержание
notes
1
2
3
4
5
6



ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ
Б.В.БЫЧЕВСКИЙ КОМАНДУЮЩИЙ ФРОНТОМ
ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ
Б.В.БЫЧЕВСКИИ
КОМАНДУЮЩИЙ ФРОНТОМ

[О Маршале Советского Союза Л. А. Говорова)
Издательство политической литературы • Москва • 1974
/
S55C
Б93
Бычевский Б. В.
Б 95 Командующий фронтом (О Маршале Советского Союза Л. А. Говорове). М., Политиздат, 1974.
212 с. (Герои Советской Родины).
Книга посвящена одному из выдающихся советских

полководцев — маршалу Леониду Александровичу Говорову.

В конце апреля 1942 года он возглавил войска Ленинградского фронта. Под его руководством Ленинград превратился в неприступную крепость и выли накоплены силы для наступления.

Войска Ленинградского фронта участвовали в прорыве блокады Ленинграда, в окончательном разгроме фашистских войск под Ленинградом, в сражениях на Карельском перешейке, в Южной Карелин, в Прибалтике.

Автор книги генерал-лейтенант инженерных войск Б. В. Бычевский, воевавший под командованием Л, А. Говорова, интересно рассказывает о его полководческом мастерстве, ярко и достоверно рисует облик своего героя (В. В. Бычевский скончался в 1912 году).

10604—235 079(02)—74
238—73
355С
© ПОЛИТИЗДАТ. 1974 г.

Генерал-лейтенант артиллерии Говоров летел в Ленинград. Весна 1942 года вступала в свои права, с трудом отвоевывая у зимы полоски земли. Под самолетом расстилались еще заснеженные поля, кое-где тронутые лучами весеннего солнца. Мысли Говорова невольно возвращались к Москве, к событиям последних дней. Едва встав с госпитальной койки после операции аппендицита, он был вызван к Верховному Главнокомандующему по поводу нового назначения.

Жена Леонида Александровича, Лидия Ивановна, узнав о предстоящем отъезде мужа, с замиранием сердца представила себе окруженный фашистами Ленинград, где снаряды и бомбы рвутся на улицах. Она знала, что зимой в этом городе умирало людей от голода еще больше, чем от разрывов снарядов. Но даже намеком нельзя высказать мужу свой женский страх. Он начнет молча и хмуро разминать пальцы на руках, будто они озябли, и задушевный разговор, так необходимый ей сейчас, может не получиться. Да и какой разговор, когда Леонид Александрович уже весь поглощен предстоящим, когда он целиком во власти одной главной мысли — оправдать доверие партии, возложившей на него столь ответственные обязанности. Снова, как минувшей осенью и зимой, придется напряженно слушать радио и ждать писем, всегда таких теплых и заботливых. А тут еще сын Володя, ему восемнадцатый год, и он просится у отца на фронт...

Самолет Говорова над Ладогой. Огромное озеро покрыто льдом, но уже видны темнеющие весенние промоины. Заметна с воздуха и трасса легендарной Дороги жизни, о которой генерал

слышал в Москве. Только слышал. Теперь видит. Трасса работает, наверное, последние дни. Сегодня он узнает точно, какие запасы для населения и войск удалось накопить с помощью этой единственной коммуникации-нитки. Сверху кажется — как легко ее порвать. Привычный глаз отмечает также четко видимые склады на западном берегу озера, скопление там вагонов. «Маскировку могли бы сделать и лучше,— мысленно сделал он кому-то выговор.— Бомбят, вероятно, редко...»

Все, пережитое Говоровым во время осенних оборонительных и зимних наступательных сражений под Москвой, где он командовал 5-й армией на можайском направлении, не отодвинулось еще в дальние углы памяти и сердца. Слишком велико было напряжение воли, нервов, физических сил в те кризисные для столицы дни. И весь в целом драматизм событий первых месяцев войны оставался болевой точкой, мешающей иногда сосредоточить мысли на предстоящем ему теперь — сегодня, завтра... Многомиллионная фашистская армия в центре России, оккупированы Белоруссия, Украина. Почти полгода непрерывных отступлений при превосходстве врага в авиации, танках. Блокада Ленинграда...

Внизу разворачивается панорама осажденного города. Она воспринимается и умом военачальника, и сердцем русского человека.

С севера — темное море лесов Карельского перешейка. Там армия Маннергейма. Она подошла к самому Сестрорецку. С юга — 18-я армия из немецко-фашистской группы армий «Север».

В Петергофе, Стрельне, Пушкине, Гатчине (Крас-ногвардейск) и по Неве до самого Шлиссельбурга — всюду вокруг города плотным кольцом гитлеровские дивизии. Под стенами города осадные батареи. Сколько их ежедневно разрушают город, уничтожают и калечат ленинградцев...

Капитан Романов, адъютант Говорова, привыкший к суровому лицу и неразговорчивости генерала, с тревогой наблюдает, как рука Леонида Александровича часто тянется к щеточке коротко подстриженных темных усов, потом потирает подбородок. Генерал неотрывно смотрит в иллюминатор, между его бровями не расходится глубокая складка. Может быть, опять у него послеоперационные боли... Говоров действительно чувствует себя неважно, но мысли его не об этом. Они то уходят в далекое прошлое, то возвращаются к тому, что ему предстоит завтра.

Ленинград был городом его юношеских стремлений, надежд. Здесь более четверти века назад он хотел найти свое призвание и место в жизни, стать кораблестроителем. Однако судьба привела его к военной профессии, и вот теперь она возвращает его в этот

город, к людям, чей подвиг потрясает мир.

И сразу же мысль возвращается к короткой беседе у Верховного Главнокомандующего перед отлетом. Сталин сказал ему немного, но, может быть, поэтому его слова так прочно легли на свое место, словно фундамент: не допустить разрушения Ленинграда осадной артиллерией врага; превратить Ленинград в абсолютно неприступную крепость; накопить силы внутри блокады для будущих наступательных операций.

Этим трем тезисам были подчинены мысли генерала Говорова, когда он сходил с самолета в Ленинграде.

Ночи стали почти белыми. Однако и в пять часов утра в Смольном еще зашторены окна. Человеку, неискушенному в военной маскировке, весь квартал Смольного может показаться группой нежилых зданий с прилегающим к ним пустынным парком. Стены и кровли домов окрашены в несколько контрастных тонов, и поэтому их характерные контуры стали неприметны. Входная аллея и подъезд к Смольному прикрыты маскировочными сетями на высоких прочных столбах. На сетях нашита пятнами серая и белая мешковина. Этот камуфляж скоро сменится на зеленый.

Около Смольного в такой час тихо, безлюдно. Да и в самом здании, в его длинных, по старинному гулких коридорах царит необычная для крупного командного пункта тишина. Бесшумно сменяются часовые на лестничных площадках и у некоторых дверей, неторопливо проходят командиры с картами и телеграфными лентами.

За этим внешним строгим спокойствием не каждый уловит беспокойный пульс командного пункта осажденного фашистами Ленинграда. Здесь под одной крышей расположены и штаб фронта, и обком и горком партии, и горисполком. Линии связи из Смольного идут и в штабы армий, дивизий по кольцу блокады, и в партийные комитеты заводов, и в партизанские отряды в тылу у фашистов. В Смольном на учете каждый килограмм хлеба, доставленный ленинградцам из глубины страны по ладожской Дороге жизни. Через Смольный осажденный город Ленина связан с Москвой, со всей Родиной.

Четыре-пять часов утра лишь условно можно считать здесь концом рабочего дня. А может быть, и началом... Обычно в это время начальник штаба фронта генерал-лейтенант Дмитрий Николаевич Гусев и начальник артиллерии полковник Георгий Федотович Одинцов докладывают члену Военного совета Андрею Александровичу Жданову оперативную сводку за истекшие сутки.

У Жданова болезненное, слегка отекшее лицо, его сильно мучает астматический кашель. Временами он закуривает

специальную лечебную папиросу — становится как будто легче.

В обзоре боевых донесений войск Гусев особо выделяет те места, где говорится о количестве немецко-фашистских солдат и офицеров, уничтоженных снай-перами-истребителями. Наиболее активно действуют снайперы под Пулково и Колпино.

Жданов делает пометки в маленькой записной книжке.

Действия снайперов Ленинграда — не мелкий штрих для оценки обстановки на переднем крае обороны города. Размах снайперского движения обусловлен не только необходимостью экономить артиллерийские снаряды, которые берегут, как хлеб, выдают в дивизии и учитывают почти поштучно.

Истребительное движение зародилось в декабре как немедленный отклик на призыв партии к народу и армии истребить всех оккупантов, вторгшихся на территорию нашей Родины. Снайперский выстрел стал выражением не только боевого мастерства, но и великого народного гнева. В конце января Военный совет фронта докладывал Центральному Комитету партии, что за двадцать дней января снайперы-истребители только 23-й, 42-й и 55-й армий и Приморской оперативной группы Ленинградского фронта уничтожили более 7 тысяч вражеских солдат и офицеров.

Пленные гитлеровцы на допросах рассказывали, что глубокие траншеи загажены, потому что все боятся ходить в отведенные отхожие места: едва высунешь голову — пуля. Прошли слухи о легендарной дивизии охотников-сибиряков, прибывшей под Ленинград: они попадают белке в глаз.

На самом деле снайперы Ленинграда — вчерашние ополченцы и бойцы кадровых частей. Один из зачинателей истребительной войны восемнадцатилетний каменщик Феодосий Смолячков с 19 октября 1941 года по 15 января 1942 года (в этот день он погиб) уничтожил из своей снайперской винтовки 125 фашистских оккупантов, израсходовав на это 126 патронов. 6 февраля 1942 года Смолячкову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Весной на снайперские вылазки в каждом полку выходили уже не одиночки, а отделения, взводы. Донесения о результатах их действий ежедневно шли в Смольный.

Жданов очень внимателен ко всем деталям оперативной и разведывательной сводки. Через час телеграф передаст ее в Ставку.

— Фашисты явно меняют метод осадного огня по городу, Андрей Александрович,— докладывает полковник Одинцов.

— А именно?

— Сегодня они опять выпустили по Свердловскому району за

десять минут огневого налета сто один тяжелый снаряд и все — по заводу «Севкабель».

— Третий раз подряд?

— Да. Прежняя тактика бессистемного огня по разным улицам и зданиям сменилась тактикой сосредоточенных и более методических ударов.

— Разрушать город по клеткам? По графику? Такая изуверская педантичность у гитлеровцев сейчас вероятна. А ваши меры?

— Ускорить переход к активной борьбе с их осадной артиллерией, Андрей Александрович. Это пока единственный способ в нашей позиционной обороне.

— Да, но для уничтожения, а не подавления огня осадных орудий вам потребуется в два-три раза больше снарядов для дальнобойной артиллерии?..

Эта тема разговора Жданова и Одинцова — не только сегодняшнего дня.

В январе фашисты выпустили по городу 2696 снарядов, в феврале 4771, в марте 7380, а всего с декабря по март на заводах, в домах, на улицах разорвалось 20 817 вражеских тяжелых снарядов. Было убито 519, ранено 1447 ленинградцев, в том числе женщины, дети.

Жданов перестает задавать вопросы, молча смотрит на план Ленинграда, на точки, обозначающие новые места поражения. Вчера они были жильем, местом работы или отдыха, а сегодня стали местом гибели, увечья. Что же он, Жданов, должен делать, чтобы скорее пришел этому конец? Переход нашей артиллерии к таким дуэлям, в итоге которых полностью уничтожались бы осадные орудия врага, требует по крайней мере 10—12 тысяч снарядов тяжелых калибров ежемесячно. А Ленинград получил в феврале и в марте по 2,5 тысячи. Одинцов предлагает не только просить у Ставки больше тяжелых снарядов, но и посылать солдат на те заводы Ленинграда, где есть оборудование и нет рабочих, чтобы увеличить производство снарядов в самом городе. А где взять необходимую электроэнергию? Единственная действующая 5-я ГЭС, еще подающая чуть-чуть тока для выпечки хлеба и других самых насущных нужд, сама под прицельным огнем фашистов. Они знают, что там последний энергоисточник города.

Записная книжка Жданова, где он ищет иногда ответа на многие и многие вопросы, не говорит, откуда можно снять одну-две тысячи киловатт для производства тяжелых снарядов...

Телефонный звонок. Из штаба ПВО передают: к городу прорвалась группа вражеских бомбардировщиков. Впрочем это уже слышно и в кабинете: оконные стекла дребезжанием на

разные тона словно отмечают расстояния до мест разрывов бомб.

А потом телефонный разговор с командующим фронтом генерал-лейтенантом М. С. Хозиным. Он сейчас за линией блокады, на восточном берегу Ладожского озера. Сложная там обстановка. Всю зиму 54-я армия генерал-майора И. И. Федюнинского и войска Волховского фронта генерала армии К. А. Мерецкова пробивались к блокированному Ленинграду. Замысел деблокады главными усилиями войск извне кольца не удалось осуществить, хотя для усиления группировки за Ладогой, кроме сил, выделенных Ставкой, были переброшены ряд дивизий и танковых бригад из Ленинграда. Весенняя распутица полностью сковала боевые действия наших войск, у Федюнинского нет никакого продвижения. И еще хуже — нависла угроза над 2-й ударной армией Волховского фронта: противник стремится отрезать ее от главных сил на западном берегу реки Волхов.

Жданов медленно кладет телефонную трубку. Гусев и Одинцов замечают, как сильно набрякли веки у Жданова. Пальцы постукивают по листу с планом Ленинграда.

Еще долго после ухода генерала и полковника в кабинете Жданова горит свет и остаются зашторенными окна.

Думается о многом. В том числе о решении, которое принято Ставкой: об объединении Ленинградского и Волховского фронтов в единый Ленинградский фронт под командованием генерал-лейтенанта Михаила Семеновича Хозина. Волховский фронт, образованный Ставкой в середине декабря после разгрома гитлеровцев под Тихвином, теперь, неожиданно для многих, ликвидируется, превращается в Волховскую оперативную группу. Командовавший с первых дней этим фронтом генерал армии Кирилл Афанасьевич Мерецков отозван в Москву. Войска, расположенные в кольце блокады, становятся Ленинградской группой войск. И командующим этой группой, с правами заместителя Хозина, назначен малознакомый Жданову человек, генерал-лейтенант артиллерии Говоров.

В целом решение Ставки и Верховного Главнокомандующего имеет, как будто бы, достаточно веские основания: необходимо обеспечить лучшую координацию и единство усилий всех войск по обе стороны Ладоги для деблокады Ленинграда. По мнению Хозина, такой координации минувшей зимой было мало. В то же время сам Хозин — явный сторонник деблокады Ленинграда главными усилиями извне кольца осады. Внутри кольца войска крайне ослаблены. Хозин развернул командный пункт объединенного фронта в Малой Вишере (Новгородская область), там, где был до него Мерецков. К тому времени Ладога почти растаяла. Все как-то усложнилось. Руководство из Смольного,

связь с Хозиным...

Перед Ждановым проходят главные узловые события борьбы за Ленинград. Упорные бои на дальних подступах к городу и на созданной ценой крайнего напряжения сил Лужской оборонительной полосе, позволившие выиграть время для укрепления ближайших подступов к Ленинграду. Ожесточенные бои под Пулковом. Захват врагом Шлиссельбурга. Трехмесячные кровавые бои на Невском плацдарме. Голод. Падение, а затем освобождение Тихвинского узла, что обеспечивало возможность снабжения Ленинграда из глубины страны. Много дивизий в этот период переброшено из кольца блокады за Ладогу. Разве это не ослабило внутренние силы фронта?

Жданов занимал особое положение в Военном совете фронта, будучи не только первым секретарем обкома и горкома партии, но и членом Политбюро ЦК. Он руководил ленинградской партийной организацией уже семь лет, со времени гибели Сергея Мироновича Кирова. Сфера деятельности обкома партии всегда была огромна. С началом войны все члены бюро обкома и горкома партии вели напряженнейшую партийную работу в районах города, на заводах, в войсках и в тылу врага, в партизанском крае. Бюро обкома и горкома партии несло ответственность за военно-политическое руководство боевыми действиями под Ленинградом вместе с маршалом К. Е. Ворошиловым, а затем с генералом армии Г. К. Жуковым.

Жданов достаточно хорошо знал Мерецкова и Хо-зина, командовавших войсками Ленинградского округа еще в 1938—1940 годах. Говорова он помнил лишь как преподавателя Артиллерийской академии, приезжавшего в Ленинград зимой 1939 года во время финской кампании для консультации по применению артиллерии против финских дотов. Слышал, что у него нелегкое прошлое — первый год гражданской войны он служил у Колчака. До сих пор беспартийный. Говорят, угрюм, сух, неразговорчив.

Кем же он здесь будет? Военным специалистом по борьбе с осадной артиллерией врага? Но и Одинцов отличный мастер своего дела. Городу и войскам, обороняющим непосредственно Ленинград, нужен командующий...

В разговоре о назначении Говорова Сталин сказал Жданову, что этот артиллерист неплохо показал себя, командуя 5-й армией в зимних сражениях под Москвой. И Георгий Константинович Жуков дает ему хорошую оценку как командарму, а не только артиллеристу. Кто-кто, а Жуков не щедр на похвалу...

Совсем ушла апрельская ночь. Необходим хотя бы короткий сон. Но к Жданову еще заходит секретарь горкома партии

Алексей Александрович Кузнецов, второй член Военного совета. Комсомольский вожак двадцатых годов и коммунист Ленинского призыва, воспитанник Кирова, он стремится все видеть своими глазами. Кузнецов все время на «периферии» — в войсках, на оборонительных рубежах, заводах. Его суждения, часто прямые и резкие, всегда свидетельствуют о тонком знании состояния дел на местах.

Сейчас Кузнецов и Жданов обмениваются мнениями по проблеме не менее острой, чем снаряды для дальнобойной артиллерии. Весна, угрожая эпидемией, вскрывает отбросы огромного города, лишенного канализации, водопровода, электроэнергии.

С 27 марта по 15 апреля горком партии и горисполком организовали и провели двухнедельник по санитарной очистке города. К нему было привлечено все трудоспособное население. Горожане, неимоверно ослабевшие от голода, очищали дворы и улицы от снега, смерзшегося с отбросами. Этот слой достигал метра, его долбили ломами и кирками, тяжелый инструмент падал из рук. Людям было под силу тянуть лишь детские санки и фанерные листы с кучками снега. Иногда обнаруживали незахороненные тела, занесенные зимними метелями...

Кузнецов считает, что борьбу с угрозой эпидемии надо продолжать. Вот данные по районам, где и сколько можно дополнительно сформировать отрядов из коммунистов и комсомольцев, чтобы возглавить работы трехсот тысяч ленинградцев, готовых на все для восстановления жизни города.

Перед Ждановым и Кузнецовым еще одна проблема— тоже сегодняшнего дня. 21 апреля отдан приказ прекратить грузовое движение по быстро тающему льду ладожской Дороги жизни. Пора переключать усилия на подготовку к весенней навигации по Ладоге. В центре внимания — строительство пирсов на обоих берегах и плавсредств, организация обороны трассы, план эвакуации населения и вывоза бездействующих на заводах станков, так необходимых сейчас в тылу.

Все эти и многие другие задачи требуют детальной разработки, подобно боевым операциям войск. Партийная организация города должна выполнить их, как бы сложны они ни были.

Так закончился один и начался другой рабочий день в Смольном в двадцатых числах апреля 1942 года, когда в Ленинграде ждали Говорова — командующего Ленинградской группой войск, заместителя командующего фронтом.

Штаб и командующий

Душой дружного, спаянного коллектива штаба

Ленинградского фронта все считали Дмитрия Николаевича Гусева, человека общительного, с открытым характером. Возглавив штаб фронта в середине октября 1941 года, он в практике своей многообразнейшей работы придерживался принципа «открытых дверей». Так уж повелось, что под утро в его кабинете оказывались вместе разведчик, артиллерист, летчик, танкист, инженер, тыловик-интендант. Люди ответственные, во многом самостоятельные, и все же всем им что-то надо от начальника штаба. Дождаться, когда Гусев освободится от своих телефонных и телеграфных переговоров со штабами армий, от карты и чтения шифровок для персонального разговора, было невозможно. Он умудрялся управляться со всем этим одновременно. Прихлебывая излюбленный крепчайший чай, вытирая пот на бритой до блеска голове, он бросал реплики то одному, то другому, давал указания всем вместе. Иногда потихоньку, думая, что не замечают, стягивал наполовину сапоги — у него отекали и болели ноги.

— Подходящая собралась семейка,— говаривал он часто, когда в кабинете становилось тесновато.

— Ну вот что, други мои, разберитесь пока между собой сами, а я тем временем к товарищу Жданову схожу.

«Други мои» разбирались, «увязывали» взаимоин-тересующие вопросы, а Гусев, возвращаясь, подводил итог.

Так было всю зиму, ибо командующий генерал-лейтенант Хозин большую часть времени отдавал личному руководству действиями 54-й и 8-й армий за Ладожским озером. Там он создал ВПУ (временный пункт управления) фронта с небольшим штатом и лишь при особой надобности вызывал кого-либо из руководящих работников штаба.

В Смольном в блокадные месяцы установились свои бытовые традиции: общий для всех обед в сто ловой с обязательным приемом порции надоевшего соснового отвара от цинги, привычный, воспитывающий самодисциплину дележ блокадного хлебного пайка на три тонких ломтика — утро, день, вечер. А если кому повезет съездить на сутки-двое в армии за Ладогу, тот уж не забудет добыть там чесноку и поделиться с друзьями.

Хорошо, когда коллектив штаба слажен и дружен. Однако штаб нуждался в постоянном общении с командующим, в знании его замыслов для их разра ботки. Давно миновали те первые месяцы войны, когда деятельность штаба зачастую сводилась к спешному, в какой-то степени механическому выполнению тоже спешных решений и приказов командующего, вызванных крайней остротой обстановки: отход, смена рубежей, контратака, снова отход...

Все — от солдата до командующего фронтом — думали о перспективе борьбы за Ленинград не только на внешних, но и на внутренних линиях блокады. В связи с этим директива Ставки об объединении Ленинградского и Волховского фронтов вызвала много толков в штабе фронта и среди командармов.

Теперь южнее и юго-восточнее Ладожского озера, то есть вне кольца блокады, действовали шесть армий— 8, 54, 4, 59-я, 2-я ударная и 52-я,— объединенных командованием одного фронта, который ведь не случайно назван Ленинградским.

Эти силы не сравнимы с теми, что остались в кольце блокады: 23-я армия на Карельском перешейке, 42-я и 55-я армии на южном фасе и две небольшие оперативные группы — Приморская и Невская. Все они на голодных нормах боеприпасов, ослаблены тяжелейшими боями сорок первого года и зимним голодом. Значит, здесь предстоит пассивная оборона? И выходит — ничего странного нет в том, что генерал Хозин, назначенный командующим объединенным фронтом, определил место своего командного пункта в Малой Вишере. Следовательно, сохраняется в силе старый замысел деблокады: удар с внешних линий?..

Ну а Смольный? Останется только партийным штабом Ленинграда? И кто такой генерал артиллерии

Говоров, который возглавит Ленинградскую группу войск?

Такие и многие другие вопросы волновали и штаб фронта и командармов.

Положение прибывшего в Ленинград Говорова вначале оказалось довольно сложным. Он понимал, какую роль играл в Ленинграде Жданов, один из видных деятелей партии. Видел, что в Смольном сложился определенный стиль руководства многогранной боевой деятельностью войск и трудовой жизнью города-гиганта, промышленного и политического центра страны. Но у Говорова как военачальника уже в первые дни ознакомления с обстановкой начали возникать свои планы, вытекавшие из задач, поставленных перед ним Ставкой. Видимо, понимая своеобразие ленинградской обстановки, Сталин уполномочил его, Говорова, принимать вместе с Ждановым самостоятельные решения по действиям войск внутри кольца блокады. Иного правового положения для себя Говоров и не мыслил, поскольку командующий находился далеко за Ладогой. Далеко-то далеко, однако генерал Хозин на правах командующего начал отзывать из Смольного в Малую Вишеру ряд ответственных руководящих генералов и офицеров штаба фронта. Вот тут-то и показал Говоров свой далеко неуступчивый характер.

Возможно, в связи с этими событиями Жданов сразу понял, что Говоров не тот человек, который склонен советоваться по

мелочам, что для него полнота ответственности неотделима от полноты прав единоначальника. Что ж, именно такие черты характера командующего Ленинградской группой войск отвечали требованиям обстановки, сложившейся в городе после страшной, губительной зимы. Жданов поддержал Говорова.

Следует сразу же сказать, что объединение Волховского и Ленинградского фронтов в единый фронт практически не осуществилось. Уже в мае на волховском участке обстановка осложнилась упорными боями с целью вызволения 2-й ударной армии из мешка, в который она попала в районе Мясного Бора в период зимних наступательных операций по деблокаде Ленинграда. В июне Ставка Верховного Главнокомандования восстановила Волховский фронт как самостоятельный, признав, по существу, ошибочность ликвидации его в конце апреля. Мерецков был возвращен на должность командующего этим фронтом, Хозин отозван в Москву, а Говоров назначен командующим Ленинградским фронтом. Все войска за Ладогой отходили в подчинение Мерецкову.

Выше среднего роста, сухощавый, подтянутый генерал Говоров в то же время мог показаться чуть мешковатым из-за того, что ходил неторопливо и как бы с прижатыми к корпусу руками (говорят, признак замкнутости). Вообще он был человек скупых жестов. Лицо бледное, несколько одутловатое для сорока пяти лет и стройной фигуры. Темные с проседью волосы, аккуратный пробор, резко очерченные брови и коротко подстриженные усы. Серые глаза глядели не очень-то приветливо.

В военных кругах еще задолго до войны Леонид Александрович слыл необщительным человеком с нелегким характером. Редко кто мог похвастаться, что видел его улыбающимся и почти никто — смеющимся. Одни отзывались — «сухарь», другие — «молчун» или «ему анекдота не расскажешь». Об этом работники штаба фронта узнали от начальника артиллерии Георгия Федотовича Одинцова. Оказалось, что в 1938 году он вместе с Говоровым работал в Артиллерийской академии: Одинцов — начальником факультета, а Говоров — преподавателем.

Впечатления от первых встреч с новым командующим были разные, но все быстро сошлись в одном: Говоров не терпит поверхностности ни в мышлении, ни в знаниях, ни в деятельности. Резко, в лицо выскажет свою оценку или мнение. Но слушать умеет очень внимательно.

Начальника разведотдела штаба фронта Петра Петровича

Евстигнеева Говоров, прибыв в штаб, пригласил одним из первых.

— Вы, как я вижу, полностью связали свою судьбу с Ленинградом,— сказал он, здороваясь.— Пришло время опять работать вместе.

Говоров, очевидно, вспомнил финскую кампанию. Тогда Евстигнеев, будучи в этой же должности, получил полную возможность убедиться в исключительной скрупулезности артиллериста Говорова, изучавшего вместе с разведчиком систему железобетонных дотов «линии Маннергейма». Назначенный на должность начальника штаба артиллерии 7-й армии, Говоров, в ту пору комбриг, стал одним из инициаторов разрушения мощных дотов огнем прямой наводки из орудий крупных калибров с максимально короткой дистанции. Он способен был часами сидеть на наблюдательном пункте, выбирая наилучшее, хотя зачастую и опасное, место для орудия перед дотом.

Петр Петрович Евстигнеев, невысокого роста, с крупной лобастой головой и удивительно спокойными в любой обстановке голубыми глазами, был вдумчивым разведчиком-аналитиком. Новый командующий сразу пришелся ему по душе. Разговор был долгим, касался каждой дивизии, полка, а иногда даже и батальона вражеских войск по всему кольцу блокады.

— Допускаете ли вы, товарищ Евстигнеев, возможность сосредоточения крупной ударной группировки фашистов летом на каком-либо участке обороны города? — свел наконец Говоров разговор к главному, центральному своему вопросу.

— Мы полагаем, что у противника есть повод готовить наступательную операцию против Ленинграда в этом году,— ответил разведчик.

— Докладывайте и повод противника и ваше мнение.

— Фашистское командование знает, что город к войска, обороняющие его, сильно ослаблены за зиму У наших соседей-волховчан после зимних неудач по деблокаде много своих слабых мест. А сейчас еще — окружение 2-й ударной армии...

Евстигнеев сообщил Говорову один характерный факт последнего времени: генерал-фельдмаршал фон Лееб, командующий группой армий «Север», отозван в Германию, по-видимому отстраненный Гитлером, э его заменил генерал-полковник Кюхлер, командовавший с первого дня войны 18-й армией под Ленинградом. Леонида Александровича эти сведения заинтересовали.

— Как вы расцениваете это?

— Надо обдумать, товарищ командующий, и получить еще кой-какие данные,— осторожно ответил опытный разведчик.

— Обдумайте,— согласился Говоров, покосившись на Евстигнеева.— Перемещения в высшем командовании должны иметь и причину и следствие. И помните главную задачу разведки: никогда, ни при каких обстоятельствах наши войска и командование не должны оказаться перед фактом неожиданности сосредоточения группировки противника в каком-либо месте.

Через некоторое время один из захваченных пленных показал на допросе, что в Гатчину и Пушкин приезжал начальник гитлеровского генерального штаба генерал-фельдмаршал Кейтель и был, якобы, на наблюдательном пункте, с которого виден Ленинград.

— Этот факт более симптоматичен, чем отстранение фон Лееба,— заметил Говоров начальнику разведотдела.— Очень внимательно следите теперь за передвижением частей у противника.

Разведывательная карта ежедневно ложилась на стол командующего, и он подолгу изучал ее.

К 1 января 1942 года на всем северо-западном направлении находились 34 вражеских дивизии, в том числе 26 пехотных, 2 танковых, 2 моторизованных. В ту пору наибольшее сосредоточение войск противника отмечалось южнее Ладоги, куда сместился центр активных боевых действий. Сейчас, весной, плотность группировки войск противника против Волховского фронта даже увеличилась. Это можно было объяснить прорывом 2-й ударной армии к Лю-бани. Враг стремился ликвидировать этот прорыв.

Но и на южных рубежах под Ленинградом и по левому берегу Невы противник почти не ослабил свои силы...

С первых же дней прибытия в Ленинград Говоров уделил главное внимание борьбе с дальнобойной артиллерией. Встретившись со своим бывшим начальником факультета, он коротко сказал: «Я рад, что Вы здесь командуете артиллерией». Возможно, полковник Одинцов мог ожидать более теплых слов. Три года они не виделись. За это время многое произошло в жизни обоих. Однако Одинцов знал, как скуп бывший преподаватель Говоров в выражении своих эмо ций, и разговор сразу перешел на деловую почву.

Надо сказать, что Говорову повезло с командными артиллерийскими кадрами Ленинграда. И Одинцов, и командующие артиллерией 42-й и 55-й армий полковники М. С. Михалкин, В. С. Коробченко, и начальник артиллерии морской обороны Ленинграда вице-адмирал И. И. Грен, и начальник штаба артиллерии фронта полковник Н. Н. Жданов и еще многие командиры-артиллеристы были не только ветеранами фронта, но

и командирами высокой военно-технической культуры и оперативно-тактического мастерства *. В минувшем году отборные фашистские дивизии и их командиры уже испытали на собственной шкуре массированный и точный огонь всех видов артиллерии под Ленинградом, бесстрашие артиллеристов при отражении танковых атак,

Но к началу 1942 года острота проблемы огневого господства заключалась не в качестве кадров и не в количестве орудий, а в недостатке боеприпасов из-за блокады города. Суточная норма снарядов для стрельбы из тяжелых дальнобойных орудий Ленинграда доходила до трех-четырех снарядов на орудие. Это было катастрофически мало, обрекало на пассивность главную силу позиционной обороны.

Ко времени вступления Говорова в командование фронтом Одинцов при активной поддержке членов Военного совета фронта А. А. Жданова и А. А. Кузнецова уже добился увеличения поставок из глубины страны тяжелых снарядов, которые в Ленинграде не

[1] Названным полковникам вскоре были присвоены звания генералов, они участвовали во всех крупнейших операциях Великой Отечественной войны. Г. Ф. Одинцов стал маршалом артиллерии, М. С. Михалкин, В. С. Коробченко, Н. Н. Жданов — генерал-полковниками артиллерии.

изготовлялись. Было положено и начало централизации управления огнем всей тяжелой артиллерии, включая орудия Краснознаменного Балтийского флота.

Говоров — командующий и сам артиллерист высокого класса — теперь придал этим и другим мерам еще более широкий размах и большую целеустремленность. Он сосредоточил в руках Одинцова и его артиллерийского штаба все планирование методического уничтожения, а не подавления, осадных батарей противника. Одинцов получил авиационные корректировочные эскадрильи, не выпускавшие из-под надзора ни одной вражеской батареи; при уничтожении этих батарей намечалось использовать комбинированные удары нашей авиации.

Завязалась сложная и упорная борьба-дуэль. Одной из первых ее целей стало отвлечение огня осадных орудий от города — «огонь на себя»... Гитлеровцев все чаще и чаще заставляли вступать в бой с нашей артиллерией, а не бить по городу. Их батареи начали менять позиции, прибегать к другим методам стрельбы, а артиллеристы-ленинградцы стали преследователями. Соотношение сил в дуэлях изменялось, наши артиллеристы приобретали тактическое мастерство и завоевывали огневое господство. К июлю 1942 года число снарядов, выпущенных вражеской артиллерией по жилым кварталам, снизилось до двух

тысяч в месяц.

Чтобы «доставать» все осадные батареи противника, Одинцов выдвинул огневые позиции тяжелой артиллерии вперед до возможных пределов — под самые Пулковские высоты. Кроме того, Говоров решил перебросить часть орудий через Финский залив на ораниенбаумский плацдарм. Увеличивалась дальность стрельбы, огонь теперь велся во фланг и тыл осадным батареям фашистов на пулковском направлении, причем огонь на уничтожение каждого отдельного орудия или батарей в целом. Дуэли переросли в систему контрбатарейной борьбы. О результатах говорят убедительные цифры: с декабря 1941 года по март 1942 года гитлеровцы выпустили по Ленинграду более 20 тысяч снарядов, а за последние шесть месяцев 1942 года — 7699, причем две трети из них по нашим тяжелым батареям, расположенным в полосе от Автово до Витебского вокзала.

Пожалуй, каждому работнику штаба фронта при разговоре с командующим могло показаться, что тот придает особое значение именно его области деятельности, настолько кропотливо и внимательно он рассматривал, точнее изучал, любую проблему.

Нелегким был первый разговор с Говоровым для меня, в то время начальника инженерных войск фронта. Я доложил о состоянии инженерной обороны. После летних и осенних боев 1941 года передний край обороны многих дивизий оказался в низинах, залитых теперь талой водой. Траншей мало, они мелкие. Минные поля осенней и зимней установки затонули. Солдаты ослабли от недоедания, а население по этой же причине было освобождено от оборонительным работ. В осенних боях с форсированием Невы в районе Невской Дубровки — самого кровавого места на фронте — инженерные части понесли тяжелейшие невосполненные еще потери. Словом, все надо начинать сызнова.

Я нервничал и не хотел сглаживать ни одного острого угла.

Командующий слушал молча. Сидел, положа руки на стол, разминая пальцы, и посматривал исподлобья, казалось, вскользь, но остро. На скулах заходили желваки. Наконец он сказал тихо, словно про себя:

— Похоже, бездельников много...

Потом снова замолчал.

Словцо «бездельник», «прилипшее» к Говорову с юношеских лет и выскакивавшее у него непроизвольно в минуты раздражения, нанесло мне такую жестокую обиду, что вызвало, в свою очередь, резкий ответ: заместитель командующего, только что прибывший в Ленинград, не может или не хочет представить себе, что было в окопах Ленинграда зимой. Брустверы, сложенные

из груды винтовок, незахороненные тела убитых солдат на брустверах. Живым приходилось выбирать: вести огонь по фашистам, пока есть силы и патроны, или долбить мерзлую землю для погибшего товарища. Солдат делал первое. Кто имеет право упрекнуть его? И сейчас многим солдатам еще не под силу поднять тяжелое бревно, чтобы построить прочное укрытие.

По долгу службы я почти каждый день бывал на каком-нибудь участке позиций и был зол на свое бессилие быстро изменить положение вещей.

Командующий выслушал взрыв обиды хмуро, не перебивая, потом встал и спокойным голосом сказал, глянув на часы, лежащие на столе:

— Нервы у вас, полковник, как вижу, не в порядке. Пойдите-ка успокойте их и приходите через полчаса. Разговор нам предстоит большой, а работы впереди еще больше.

Ровно через полчаса он сам позвонил и три часа изучал по карте детали инженерной обороны.

Во время этой беседы я убедился, что Говоров требует смотреть значительно дальше сегодняшнего дня. Разработанный инженерным управлением фронта план создания системы разветвленных траншей в сочетании с дотами и убежищами не удовлетворил его полностью.

— Я вижу здесь только идею жесткой обороны, а надо вложить и идею активности обороны,— отметил он без резкости, как бы размышляя и чуть-чуть приоткрывая свои замыслы.— Необходимо расширять всю систему инженерных позиций и как исходный наступательный плацдарм... В глубину, назад, но и вперед, на максимальное сближение с противником для броска в атаку.

Это положение стало основным во всех инженерных работах под Ленинградом.

Идее активности борьбы в блокаде Говоров подчинил все виды деятельности различных родов войск и служб.

Одной из коренных проблем Ленинградского фронта было снабжение войск горючим, создание его запасов. Государственный Комитет Обороны вынес решение о строительстве подводного, по дну Ладожского озера, бензопровода. Это уникальное по сложности работ сооружение было создано в невиданные в истории инженерного дела сроки — за пятьдесят суток. Говоров взял под повседневный контроль и эти, очень специфические работы, требуя от начальника тыла фронта Ф. Н. Лагунова не просто знания темпов строительства.

— Органы тыла не могут быть теперь интендантским аппаратом в старом понимании этого слова,— говорил он

генералу интендантской службы, изучая и проект и технологию сварочных и укладочных работ.— Штаб тыла должен знать и все инженерные детали, быть оперативным инженерным штабом.

— К командующему ходить на доклад — вроде как студенту к придирчивому экзаменатору,— шутил начальник тыла, но делал, как и все, надлежащие выводы.

Командующий не раскрывал полностью свои дальние оперативные планы. Но вскоре все работники штаба и командиры всех родов войск и служб хорошо узнали его метод ориентации в предстоящем. От штабов и войск Говоров требовал активно и в быстром темпе, инициативно решать то главное, что он формулировал сжато, но емко.

На одном из совещаний в штабе Говоров изложил это главное так: «Во-первых, всемерно развивая жесткую и устойчивую позиционную оборону блокированного Ленинграда, придать ей и максимально активные формы; и, во-вторых, выполняя эту задачу, создать из внутренних сил ударную группировку для крупной операции».

Общая формула замысла предусматривала, по существу, параллельное выполнение трех задач, поставленных перед ним Ставкой при назначении. Одновременно подчеркивалось, что и в условиях осажденного Ленинграда сохраняются основные положения советской военной доктрины, определяющей сущность обороны, ее роль, место, организацию: оборона как форма боевых действий — неизбежный оперативный фактор в некоторых случаях и на некоторых театрах военных действий; но только ее активность, ее способность перейти в наступательные формы могут решить коренную задачу — ликвидировать наступление противника, а затем и его самого.

Командующие армиями всю зиму вели бои чисто позиционного характера: охота снайперов, вылазки разведчиков и довольно вялая артиллерийская перестрелка. Перспективные планы действий на их участках не разрабатывались, ибо генерал Хозин обращал все внимание на заладожское направление. Командармы встречались с ним редко.

Теперь положение изменилось. В связи с этим командующий 42-й армией генерал И. Ф. Николаев так отозвался о новом командующем фронтом:

— Умница он, Леонид Александрович, хоть и бирюк немного. Видно, что не даст никому сиднем сидеть. И голова светлая. Толковое дело затеял с на шими артпульбатами.

А дело заключалось в следующем. Изучая состав и расположение войск, Говоров заметил, что отдель ные артиллерийско-пулеметные батальоны, созданные летом 1941

года из народных ополченцев для обороны построенных тогда же дотов, сейчас как-то ра створились на полевых позициях в дивизиях Произошло это в процессе отступления из Гатчины Петергофа, Красного Села, где строились'доты.

«Почему бы не свести артпульбаты снова в систему укрепрайонов,— предложил Говоров коман дармам.— По штатам и огневым средствам они будут не слабее полков. И позиции себе построят соответ ствующие. Тогда мы начнем постепенно выводит: в резерв стрелковые полки, а потом и некоторые дивизии.

Идея Говорова содержала элемент риска, гроз: некоторым ослаблением первого эшелона оборонь. в период, когда не исключалась вероятность наступ ления фашистских войск. Военный совет фронта, обсудив предложение Говорова и проанализировав еще раз обстановку, согласился с его логикой. В это время помогла Ставка — она направила довольно большое пополнение в Ленинград — 25 УРовских (УР—укреп ленный район) батальонов, 6 противотанковых пол ков, 2 танковые бригады и вооружение.

Так очень быстро под Пулково, Колпино и на Неве сформировались и начали создавать себе сильные позиции полевые укрепленные районы; Говоров про должал методически выполнять свой план: начался постепенный вывод в резерв ряда частей для боевой подготовки.

Военный совет Ленинградского фронта, все партийное руководство города с первых дней деятельности Говорова убедились, что это командующий, глубоко вникающий во все проблемы превращения Ленинграда в неодолимую крепость.

Быстрым темпом шла эвакуация через Ладогу ослабленной голодом части населения города. Рабочие отряды, созданные на заводах для баррикад и городских опорных пунктов, реорганизовывались в батальоны армейской структуры, в отряды МПВО. Строилось 110 крупных узлов внутренней обороны города с тысячами прочных боевых сооружений и убежищ. Резко снизились потери от артиллерийского огня в войсках в результате создания широкой системы глубоких траншей.

.[1] Побывал Говоров и на оторванном от общей линии фронта участке обороны — в Приморской оперативной группе, на так называемом ораниенбаумском плацдарме, очень важном в оперативном отношении участке активной обороны Ленинграда. В августе и сентябре 1941 года части 8-й армии, отошедшие с боями из Эстонии через Нарву, стоически выдержали удары противника, стремившегося выйти на побережье Финского залива для разгрома Кронштадта. В ту пору командующий фронтом

генерал армии Г. К. Жуков с присущей ему решительностью и волей бросал ˆКонтратаки все силы, чтобы отстоять эту зону. Теперь она привлекала внимание Говорова не только кащ оборонительный обвод, прикрывающий Кронштадт. Географически ораниенбаумский плацдарм нависал над тылами немецко-фашистской 18-й армии, подошедшей к Пулкову.

Туда пришлось лететь ночью через Финский залив. Командующий взял с собой заместителя начальника штаба фронта генерал-майора А. В. Гвоздкова, Г. Ф. Одинцова и меня.

Никто не испытал большого удовольствия от посещения ораниенбаумского плацдарма. Перелет проходил в кромешной тьме под зенитные разрывы около фанерных самолетов. Да и знакомство с обстановкой на месте тоже оказалось не из приятных.

Еще в начале зимы управление 8-й армии было переброшено с побережья Финского залива на Неву, а затем и за Ладогу. Его заменил сравнительно небольшой штаб группы войск под командованием генерал-майора А. Н. Астанина, получившего это назначение после выхода из окружения под Лугой и возвращения в Ленинград. Почти полгода никто из руководящих работников штаба фронта не был на плацдарме. И силы тут остались небольшие: две дивизии, две бригады, один полк морской пехоты, немного артиллерии и танков. Помогали Приморской оперативной группе береговые форты Краснознаменного Балтийского флота, объединенные в укрепленный район.

Фашисты держали против Приморской оперативной группы тоже незначительные силы. Характерно, что нейтральная полоса, разделявшая стороны, местами достигала нескольких километров: ни наши войска, ни противник не хотели лезть в низины, болота, бездорожные места. Но это повлекло за собой ярко выраженную пассивность обороны. Штаб Астанина и командиры дивизий поверхностно знали противника, артиллерия располагалась без четкой системы, в развитии инженерных позиций была видна одна перспектива — статус-кво.

Говоров угрюмо осматривал участки войск, раздражался, выслушивая путаные доклады, и, наконец, резко бросил упрек всем, его сопровождавшим: «Лапу, что ли, здесь сосали всю зиму?»

Разбор положения дел в штабе Астанина был острым для всех, в том числе и для нас, прилетевших с командующим. А уезжая на аэродром, Говоров позволил себе все же сказать, словно про себя, но так, что все слышали, словцо «бездельники». Генерал Гвоздков говорил потом, что Астанину надо было бы смягчить раздражение командующего, предложив ему хотя бы стакан

горячего чая. Говоров был простужен, продрог. Астанин, растерявшись от резких и правильных упреков, не успел сделать этого.

Но результат этой проверки был положительным, меры приняли быстро. Никому не хотелось получить от командующего «фитиля». Он умел это делать не грубо, однако весьма ощутительно для самолюбия.

Не мыслю себя вне партии

В штабе поначалу не знали, что Говоров беспартийный. Он давал исчерпывающие указания политорганам, требовательно относился к политработникам. Но так сложился его жизненный путь, что вступить в партию довелось только теперь, в Ленинграде.

Леонид Александрович родился в 1897 году в селе Бутырки Вятской губернии. Отец не только крестьянствовал, он часто и подолгу ходил в бурлаках и матросах по Каме. Грамотный, повидавший свет отец отошел от земли и решил изменить судьбу семьи (в ней подрастало уже четверо сыновей). К 1907 году семья Говоровых перебралась в маленький городок Яранск, где отец устроился письмоводителем в Зем-

леустроительную комиссию, а через два года в уездный город покрупней — Елабугу. Там отец стал письмоводителем в реальном училище. Это и определило дальнейшее образование сыновей. Леонид был старшим. Будучи еще учеником, он начал подрабатывать репетиторством неуспевающих детей из зажиточных семейств. Сам учился отлично, а о лентяях, с которыми занимался, отзывался — «бездельники». Вот с каких пор он невольно употреблял это словечко, когда бывал недоволен кем-либо.

В 1916 году, закончив училище, Говоров поехал в Петроград и сдал экзамен на кораблестроительное отделение Политехнического института. Зимой он попал под мобилизацию студентов и был направлен в юнкерское артиллерийское училище. Через два месяца совершилась Февральская революция, а в июне 1917 года Леонид Говоров — уже младший офицер мортирной батареи в городе Томске.

Не успел он побыть студентом, не успел проникнуться революционной атмосферой Петрограда. И в Томске в преддверии Октябрьской революции двадцатилетний Говоров еще не понял всего, что происходит в России. Может быть, это объясняется тем, что тогда он был плотью от плоти полумещанской среды захолустья. Вот почему после Октябрьской революции, когда по

декрету Советского правительства началась демобилизация старой армии, подпоручик Говоров сразу поехал домой к родителям. Добровольцем в создаваемые отряды Красной Армии он не пошел, рассчитывал снова учиться.

В Елабуге вчерашний студент и юнкер стал мелким служащим местного кооператива. Занятие, далекое и от кораблестроения и от стрельбы из тяжелых орудий, которой его учили шесть месяцев. В сентябре 1918 года городок захватили войска Колчака,

•

провозгласившего себя верховным правителем России. В захваченных районах методом террора Колчак мобилизует население для борьбы с большевиками. Мобилизован и подпоручик старой армии Леонид Говоров. Так ураган событий догнал и втянул Говорова в гражданскую войну, но — увы! — на стороне контрреволюции.

Только попав в самое гнездо махровой белогвар-дейщины, в боях против Красной Армии под Уфимском и Челябинском командир батареи Говоров по-иастоящему понял, что он на дне пропасти. Осенью 1919 года он с частью своей батареи дезертирует и, скрываясь, пробирается к Томску. Там входит в боевую дружину рабочих, готовившихся к вооруженному восстанию, участвует в нем, а с приходом в Томск частей регулярной Красной Армии вступает в ее ряды. Ему поручают сформировать артиллерийский дивизион 51-й стрелковой дивизии, которой командовал прославленный полководец гражданской войны Василий Константинович Блюхер. Дивизию спешно перебрасывают на Южный фронт громить барона Врангеля.

Вот теперь все встало на свои места, новые чувства и мысли заполнили жизнь. Иной увиделась Родина и народ, устремившийся словно в конной атаке-лавине на расчистку своей земли от всякой нечисти. Определился жизненный путь: военная профессия для службы народу. До конца. И рядом было много людей, с кого делать жизнь. Среди них Блюхер, Фрунзе.

С легендарной 51-й Перекопской дивизией Говоров участвовал во многих боях, уничтожал огнем своих орудий английские танки, отбивал конные атаки белых, был дважды ранен, награжден орденом фасного Знамени. [1]

В. В. Вычевский

Десять лет жизнь Говорова была связана с 51-й Перекопской дивизией. Там он командовал артиллерийским полком, был начальником артиллерии дивизии, оттуда начался и его дальнейший путь в большую военную науку.

Партийность... С очень немногими людьми делился замкнутый Говоров своими сокровенными мыслями о партии. Одним из них был комиссар артиллерийского полка 61-й Перекопской дивизии Петр Викентьевич Брыкульс, латыш, бывший матрос, большевик с 1917 года. Говоров рассказывал ему о пережитом в юности, о стремлении посвятить жизнь военной науке, говорил о том, что сомневается, окажут ли ему доверие, если он попросит принять его в партию. Он умел критически относиться к самому себе.

Комиссар ответил просто:

— Партия может и сказать, что рановато тебя сейчас принимать. Но это значит, есть над чем тебе поработать, прежде чем стать членом партии. Вот и спроси у парторганизации, у коллектива. Тебе скажут прямо, в глаза.

Так и было тогда на партийном собрании полка: «Плохо еще понимает товарищ Говоров, для чего существует партия. Надо воздержаться пока от приема. Пусть разберется во всем, а мы поможем».

Это партийное собрание помогло Говорову еще более отчетливо осознать, как много ему еще предстоит сделать, чтобы заслужить право быть принятым в Коммунистическую партию.

Прошли годы. Решение посвятить жизнь военной науке было таким же твердым, как характер Говорова. Вначале трехлетний заочный курс Военной академии имени Фрунзе, затем еще годичный курс оперативного факультета, изучение немецкого языка, вдача экзамена на военного переводчика. Все это одновременно с напряженной службой строевого командира.

«...Ничто не могло его оторвать от книг, военных карт, когда он садился за них,— вспоминала жена.— Он возвращался с учений, полевых поездок усталый, но ночами просиживал за выполнением заданий, полученных из академии».

Так было и потом, когда в 1936 году Говоров, уже комбриг по званию, известный в Киевском военном округе артиллерист, поступает в Академию Генерального штаба, в первый набор слушателей для подготовки высшего командного состава. Труд, труд и труд. Делу защиты социализма с помощью военной науки, военного искусства Говоров отдавал всего себя.

Это было, пожалуй, главной чертой в его характере. Все, кто знал этого неразговорчивого в кулуарных беседах, суховатого, неулыбчивого комбрига, удивлялись его преображению, когда он читал лекцию или выступал на тему о современной военной науке. Это был блестящий педагог и лектор с чеканным стилем изложения.

Не случайно в мае 1941 года Леонид Александрович Говоров

был выдвинут на пост начальника Артиллерийской академии имени Ф. Э. Дзержинского. Назначение состоялось, но спустя три недели начинается война и уже в июле 1941 года Говоров на фронте в должности начальника артиллерии Западного направления у главкома Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко, а затем начальника артиллерии Резервного фронта под командованием генерала армии Г. К. Жукова. С этого момента и вплоть до разгрома немцев под Москвой боевая деятельность Л. А. Говорова проходит в значительной степени под влиянием и руководством Георгия Константиновича Жукова.

Генерал-майор Л. А. Говоров вступает в командование 5-й армией Западного фронта в разгар напряженнейших боев на Бородинском поле в середине октября 1941 года, заменив раненого командарма генерал-майора Д. Д. Лелюшенко.

Боевые действия 5-й армии под командованием Л. А. Говорова в великой битве под Москвой — большая и отдельная тема. Здесь мы хотим лишь отметить, что именно в этой критической битве у стен Москвы проявились многие качества Говорова как крупного военачальника. Дважды в этот период он был награжден орденом Ленина.

В личном деле Леонида Александровича есть краткая аттестация командующего Западным фронтом генерала армии Г. К. Жукова, написанная в ходе сражения. «Можайскую и Звенигородскую оборонительные операции провел успешно,— сказано там.— Хорошо ведет наступательные операции по разгрому можайско-гжатской группировки противника».

Короче, лаконичнее и яснее не оценишь труд военачальника в бою. У командующих фронтами тогда и не было времени для многословных реляций.

...Что такое коммунисты в бою, в труде, Говоров видел многие годы, и тем более теперь. Почему же он до сих пор не один из тех, кто перед боем обращается к партии с просьбой принять его в свои ряды? Не было за прошедшие годы ни недоверия к нему, ни отчуждения. Почти десять лет беспрерывно Говоров избирался депутатом в горсовет, был всегда в гуще малых и больших дел общественной жизни, пользовался авторитетом у окружающих. И он не раз задавал себе вопрос, почему вновь не подал заявление о приеме в партию? Ведь он не может быть вне ее.

Было ли тому причиной ложное самолюбие в свя-ви с отказом в двадцатых годах? Или уход в раковину военной науки? Но это не раковина, это партийная наука. Или он считал, что не все еще сделано для того, чтобы быть достойным звания члена партии? Видимо, сыграло роль все вместе взятое. Лишь он сам понимал

это до конца.

Догадывался об этом и еще один человек, с которым Говоров провел бок о бок бессонные ночи в сражениях под Москвой. Член Военного совета 5-й армии Западного фронта Павел Филатович Иванов сказал ему однажды в грозовую октябрьскую ночь 1941 года:

— Пора тебе, Леонид Александрович, быть коммунистом в полном смысле этого слова. Пиши-ка заявление в парторганизацию. Я, например, рекомендацию всегда готов дать.

1 июля 1942 года Леонид Александрович Говоров подал заявление в парторганизацию штаба Ленинградского фронта. Он писал: «Прошу принять меня в ряды Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), вне которой не мыслю себя в решающие дни жестокой опасности для моей Родины».

Он позвонил в Москву, разыскал Павла Филато-вича, сказал откровенно: он думает, что дальше не может продолжаться так, как было до сих пор...

Иванов немедленно прислал свою партийную рекомендацию.

Секретарь Ленинградского городского комитета партии Алексей Александрович Кузнецов тоже отлично понимал душевное состояние Говорова и сам вызвал его на откровенный дружеский разговор. Партийные рекомендации Говорову дали Георгий Федотович Одинцов и заместитель начальника штаба фронта Александр Владимирович Гвоздков. Оба — старые коммунисты, оба знали и своеобразие характера и истинную, глубокую преданность Говорова делу партии.

Партийная организация штаба на собрании приняла его кандидатом в члены партии, а через несколько дней Андрей Александрович Жданов сказал Говорову, что Центральный Комитет вынес решение о приеме его в члены партии без прохождения кандидатского стажа.

Впоследствии в задушевной беседе с Одинцовым Говоров, уже будучи маршалом, сказал, что тот' день был самым значительным в его жизни.

Увертюра к прорыву

Завершен рабочий день. Позади поездки в войска, совещание в штабе, изучение оперативных и разведывательных сводок, телефонные и телеграфные переговоры с командармами и с Москвой. В предрассветный час командующий остается один.

Иногда кто-либо надумает воспользоваться этим часом, чтобы доложить Говорову то, что кажется неотложным. Зайдет в приемную. Капитан Романов бодрствует, свеже выбрит.

Бесполезно интересоваться, когда он спит — это его тайна. А если задают такой вопрос, он улыбается: «Приходится иногда вздремнуть...»

— У себя командующий, товарищ Романов? Один?

— Так точно, товарищ генерал, один.

— Работает?

— Вроде нет, товарищ генерал.

— Отдыхает?

— Да нет, еще не отдыхает.

— То есть как это — не работает, не отдыхает? А что же тогда он делает?

— Заходил я сейчас — стоит у окна. От чая отказался. Прикажете доложить?

— Хотел было... Да, кажется, поздно. Пожалуй, утром зайду.

— Так уже утро, товарищ генерал.

— И то верно. Но не буду тревожить, днем зайду.

Командующий действительно стоит у светлеющего окна. Перед коротким сном надо расставить по местам все, что накопилось за минувший день. Словно фигуры в шахматной задаче. Вот он и стоит у окна. Иногда возвращается к столу, на котором всегда карта, общая тетрадь в жестком переплете и часы с ремешком. Записи-пометки в этой тетради короткие, бисерным почерком, по пунктам — первое, второе, третье.

Только что Гусев докладывал, что за последние восемь суток от Пскова на Лугу прошло 180 вражеских эшелонов с войсками и техникой, 47 платформ с тяжелой артиллерией проследовало до Гатчины. А в северной части Ладожского озера уже третий раз фашисты спускают самоходные, явно десантные баржи, прибывшие из Германии, на них установлены 88-миллиметровые орудия. Вроде канонерок. Пленные, взятые под Урицком и Ораниенбаумом, показывают, что с юга из Крыма недавно прибыли новые осадные орудия, которые солдаты называют «большими Бертами».

По этому поводу Жданов заметил, что после овладения Севастополем у гитлеровцев высвободилась там не только осадная артиллерия, но и армия с опытом штурма приморского города.

Давно пора выключить мозг, но командующий все еще стоит у окна. Минуло три месяца, как он в Ленинграде. За это время многое изменилось.

Восстановлены как самостоятельные Волховский и Ленинградский фронты; 2-я ударная армия вела наступательные бои на любанском направлении, однако они кончились неудачно для советских войск.

Продолжая непрерывную борьбу с осадной артиллерией немцев, Говоров провел небольшие частные операции. Цели тактические: отвлечь часть сил противника из района Мга. Тосно. Бои вели дивизии 42-й и 55-й армий под Урицком и южнее Колпино. Расчет Говорова оправдался. Командующий 18-й немецкой армии Линдеман перебросил на этот фланг три дивизии. Итоги были малозначительны. Наши части, впервые после долгой позиционной обороны возобновившие в небольших масштабах активные действия, отвоевали у немцев лишь отдельные опорные пункты. Наступательный бой для многих оказался несданным экзаменом, войска и штабы еще не перешагнули полностью порог окопной неподвижности.

Летом 1942 года гитлеровское командование предприняло крупное наступление на сталинградском и кавказском направлениях. Здесь развернулись главные события второго года войны. Однако все, что собиралось в Ставке из разных источников разведки (в частности, тот факт, что дивизии 11-й армии Манштейна перемещались из Крыма на север), свидетельствовало о том, что Гитлер не отказался и от плана овладения Ленинградом.

Когда история вскрыла тайны сейфов, были установлены и содержание директив Гитлера № 41 и№ 45 и точные даты их издания (5 апреля и 23 июля 1942 года). Директива № 45 определяла сроки захвата

Ленинграда и силы, предназначенные для этого. «Группе армий «Север»,— указывалось в директиве,— к началу сентября подготовить захват Ленинграда. Операция получает кодовое наименование «Фойерцаубер» '. Для этого передать группе армий пять дивизий 11-й армии наряду с тяжелой артиллерией и артиллерией особой мощности, а также другие необходимые части резерва главного командования».

Хотя в ту пору и не было известно полное текстовое содержание этой директивы, данные разведки говорили о том, что фашисты готовят крупную операцию против Ленинграда. События, развернувшиеся **в** 1942 году, требовали конкретных решений по многим направлениям гигантского советско-германского фронта. В июле такие решения были приняты по Ленинградскому и Волховскому фронтам. Они исходили из общего старого замысла: встречными ударами войск двух фронтов разгромить шлиссельбург-скую и мгинскую группировки противника и ликвидировать блокаду Ленинграда с суши. Кроме того, это наступление должно было прочно сковать под Ленинградом вражеские войска, не дать фашистскому командованию перебросить их под Сталинград.

Таков был общий замысел Ставки. Во исполнение его

намечалось, что войска 55-й армии и Невской оперативной группы Ленинградского фронта наносят два удара — на Тосно и на Синявино, соединяются с войсками Волховского фронта (которые также переходят в наступление) и вместе с ними уничтожают мгинскую группировку врага. Одновременно остальным войскам Ленинградского фронта предстояло наступать на урицком и старопановском направлениях, чтобы не допустить переброски отсюда под Мгу не-

«Волшебный огонь» (нем.).

мецко-фашистских частей. Подобную задачу выполняли и армии Волховского фронта, не вошедшие в состав ударной группировки. Нанесением вспомогательных ударов они также должны были не дать врагу оттянуть его части в район Мги.

Не раз и не два, оставаясь один на один с картой, Говоров думал о лучшем направлении удара из блокады. Казался оптимальным прямой удар через Неву у поселка Невская Дубровка. В этом варианте ленинградцам и волховчанам надо преодолеть для встречи только десять-пятнадцать километров вражеских укрепленных позиций. Так по карте...

Но форсирование полукилометровой Невы там, где каждый метр давно пристрелян артиллерийскими батареями противника, грозит срывом операции в первые же часы. Еще ранней весной, выслушав историю ожесточеннейших прошлогодних боев за Невский пятачок, Говоров бросил фразу, ясно выразившую его отношение к «плацдарму» глубиной меньше километра: «Ничего, кроме кровавой бани для нас, нельзя ожидать там сейчас».

У Говорова и теперь нет таких сил, чтобы, форсировав Неву, развить прорыв до встречи с волховча-нами. Для этого требуется не три-четыре дивизии, которые он с таким трудом вывел в резерв, а десять-двенадцать. Прошлогодние потери переправочных средств еще не восполнены.

Так где же он может нанести удар, чтобы выполнить задачу, поставленную Ставкой?

В результате раздумий, расчетов, бесед с членами Военного совета, с начальником штаба командующий решает начать операцию не через Неву, а вдоль ее левого берега, восточней Колпино, с участка 55-й армии генерала Свиридова. Замысел выглядит четким. Против левого фланга армии Свиридова, на крутом повороте Невы, фашисты владеют поселком Усть-Тосно и дорогой в сторону станции Мга. Удар вдоль левого берега дает возможность сразу использовать танки; кроме того, здесь очень широкая, в километр, пойма Невы. Это позволит высадить с катеров Краснознаменного Балтийского флота десант для захвата мостов через речку Тосна. И поддержка пехоты артиллерией

будет эффективней: огонь можно будет вести по Усть-Тосно с обоих берегов Невы.

Решение было принято. В те же дни анализ разведывательных данных показал, что немцы действительно готовят крупное наступление. Даже солдаты знают, что предстоит штурм Ленинграда.

Утром 19 августа 55-я армия Свиридова силами пока одной дивизии начала атаки на Усть-Тосно вместе с речным десантом. А днем генерал Евстигнеев доложил, что захвачен перебежчик. В Тосно, сообщил он, прибыли из Симферополя 170-я пехотная дивизия и другие части 11-й армии Манштейна. Ежедневно идут тренировки по переправам и штурму городских зданий.

Вывод ясен — войска Ленинградского фронта столкнутся с ударной, а не оборонительной группировкой. Волховский фронт, по плану, должен начать наступление значительно поздней. Разновременность наших ударов создает противнику благоприятные условия для маневра. Но операция уже началась. И предстоит держать экзамен в острой схватке с гитлеровскими генералами, видимо, уверенными в своем превосходстве.

Кто такой генерал-фельдмаршал Манштейн, с кем предстоит померяться волей, умом, боевыми качествами войск?

Об этой личности Говоров располагал общими справочными сведениями. Коренной пруссак из ди-

настии крупнейших помещиков, около 60 лет. Вся жизнь его — в захватнических войнах. Окончил академию германского генерального штаба. Имеет опыт двух мировых войн. В 1941 году, командуя 56-м моторизованным корпусом, прорвался до Новгорода. После осады и штурма Севастополя, получив фельдмаршальский титул, Манштейн стал, видимо, одной из новых козырных карт в игральной колоде Гитлера.

...Спустя много лет бывший гитлеровский фаворит в своих мемуарах изобразил себя противником плана захвата Ленинграда в 1942 году. Он писал, как на пути к Ленинграду побывал в Виннице в Ставке Гитлера и там, разговаривая с начальником генерального штаба Гальдером, выразил сомнение в успехе задуманной Гитлером операции. В мемуарах он приписал себе роль спасителя 18-й армии Линдемана от разгрома Мерецковым и Говоровым.

Так истолковал события Манштейн, после того как гитлеровский рейх был разгромлен. Летом же 1942 года, осыпанный почестями и наградами, он вел к Ленинграду отборные дивизии 30-го и 54-го армейских корпусов, артиллерию особой мощности и 8-й авиационный корпус генерал-полковника Рихтгофена. С ним и Линдеманом он решил, что вначале следует

залить огнем пожаров («волшебным»!) город, а затем сравнять его с землей фугасными бомбами и снарядами «больших Берт». Он получил полномочия объединить под своим командованием и дивизии 18-й армии. Как было Манштейну не мечтать о лаврах крупнейшего полководца Германии и впоследствии не назвать горестно свои мемуары «Утерянными победами»!

ж

«Ивановский пятачок» — под таким названием вошло в историю место, где 19 августа 1942 года завязалась целая серия жестоких боев, явившихся боевой увертюрой к прорыву блокады.

Замысел Говорова — наступать через Усть-Тосно на Мгу вдоль левого берега Невы — оказался нереальным из-за соотношения сил. Противник был почти готов к своему наступлению. Командующий Ленинградским фронтом быстро убедился в этом.

Вначале как будто оправдался расчет на внезапность высадки десанта с катеров Краснознаменного Балтийского флота для захвата мостов. Под прикрытием дымовой завесы, артиллерийского огня и штурмовой авиации отряд лейтенанта А. Е. Кострубо высадился в самом устье речки Тосна, провел в паутине траншей и колючей проволоки быстротечный рукопашный и гранатный бой с эсэсовцами. Были захвачены и разминированы мосты на шоссе. 268-й стрелковой дивизии полковника С. И. Донскова предстояло использовать успех десанта, сразу переправив через речку пехоту и танки.

Но плотность огня у фашистов оказалась настолько велика, что первые танки, рванувшиеся на захваченный шоссейный мост, были подбиты на нем и загородили проход другим танкам.

Командир 942-го полка майор Клюканов донес, что захватил плацдарм на восточном берегу реки Тосна и сразу подвергся бешеным контратакам.

Командующий фронтом и командарм с наблюдательного пункта и сами увидели, как на боевые порядки всей дивизии одна за другой обрушились группы пикирующих бомбардировщиков; вслед за ними последовал массированный огонь немецкой артиллерии, сосредоточивавшейся в предвидении наступательной операции Манштейна.

Говоров мог только с горечью констатировать, что той артиллерией, какую *он* дал Свиридову, нельзя подавить наступательную группировку врага. А усилить Свиридова за счет пулковского участка нельзя: и там теперь может последовать удар противника. Остается вести затяжной бой малыми силами в ожидании, когда начнут операцию войска Волховского фронта.

Ко времени наступления Волховского фронта под Усть-Тосно

шел лишь огневой бой и мелкие схватки.

Разведотделы штабов обоих фронтов получали все новые сведения. В составе армии Манштейна 24-я, 28-я, 132-я и 170-я пехотные дивизии; в районе Тосно, Вырица находились 5-я горнострелковая, 61-я пехотная, 250-я испанская «голубая» дивизии, в Гатчине 12-я танковая дивизия и 185-й специальный самоходный дивизион штурмовой артиллерии. Ряд частей из этого перечня еще недавно были на Северо-Западном фронте. Можно представить, сколько острых моментов возникает при подобном изменении обстановки.

8-я армия Волховского фронта начала наступление на Синявино 27 августа 1942 года, как раз в тот день, когда Манштейн завершал сосредоточение своей группировки и уже рассматривал с наблюдательного пункта очертания Ленинграда. Части 8-й армии генерала Ф. Н. Старикова прорвали позиции 18-й армии Линдемана. Прорыв, хотя и медленно, расширялся. Он опрокинул все расчеты Манштейна и Линдемана. Гряда синявинских холмов среди торфяных болот огромной приладожской низины, занятая гитлеровцами с осени 1941 года, являлась их ключевой позицией в системе блокады Ленинграда. Если она падет, неизбежно падение и Мги—главного узла коммуникаций врага на фланге 18-й армии. Удар волховчан был нацелен на тылы всей группировки Линдемана — Манштейна.

4 сентября, когда фронт прорыва расширился до 15—20 километров, в ставке Гитлера забили тревогу. Манштейн потом писал, что он вынужден был немедленно повернуть часть сил, подготовленных для штурма Ленинграда, против Мерецкова. Гитлер вызвал Манштейна к аппарату и потребовал вмешаться всеми имеющимися силами. Речь шла об угрозе развала всего фронта 18-й армии. В эти дни наши станции радиоперехвата не раз засекали рацию Манштейна. Было отлично слышно, как подстегнутый разъяренным Гитлером Манштейн прямо из своей машины отдавал приказы командирам дивизий разворачиваться и вступать в бой с войсками 8-й армии для локализации прорыва. Это и дало потом Ман-штейну пОйод преподнести в мемуарах провал штурма Ленинграда как вынужденную операцию по спасению Линдемана.

Поворот крупных сил Манштейна против Мерецкова затормозил наступление 8-й армии. Теперь ей требовалась быстрая помощь силами Ленинградского фронта.

5 сентября по указанию Ставки Говоров вместе с начальником штаба и начальниками родов войск разрабатывает план удара через Неву в районе Невской Дубровки силами трех-четырех дивизий. Он вынужден предпринять тот шаг, которого

хотел избежать месяц назад — форсировать Неву на старом, избитом и пристрелянном участке. Вступал в силу один из неписаных, но непреложных законов войны: ты должен оказать помощь соседу в бою своевременно, иначе она будет бесцельна.

На подготовку действий на новом направлении Говорову давалось лишь трое суток. Их хватало

только на переброску войск. Без прямого ущерба для устойчивости обороны города Говоров смог сосредоточить здесь три дивизии и стрелковую бригаду, выделить триста орудий и около ста самолетов.

Вновь у командующего фронтом бессонные ночи. Расчеты... Казалось бы выделены не такие уж малые силы против двух дивизий врага. Но это поверхностное сравнение сил. Штатная численность фашистской дивизии почти в два раза превышает нашу; форсирование очень широкой быстрой реки и атака сразу крутого берега, укреплявшегося целый год, делает бой вдвойне сложным. Выделяемые 46-я и 86-я стрелковые дивизии длительное время не вели наступательного боя; в них только что влилось большое пополнение из молодых казахов, не владеющих русским языком, не умеющих ни плавать, ни управлять лодкой... И штаб Невской оперативной группы—чуть покрупней штаба корпуса. Всю зиму и лето он занимался оборонительными работами.

Говоров выехал в район Невской Дубровки вместе с Одинцовым и мною. До этого ни Одинцов, ни я не видели вблизи места, где ровно год назад генерал армии Жуков, командовавший в ту пору Ленинградским фронтом, начал контратаки через Неву. Сто восемьдесят суток потом не затихали здесь кровопролитнейшие бои. Плацдарм был оставлен нашими войсками в апреле, обе стороны глубоко зарылись в ■землю на противоположных берегах, окружиз свои позиции колючей проволокой и минными полями.

Сейчас на Невской Дубровке слышалась лишь вялая перестрелка через Неву и лишь изредка в стереотрубу или бинокль можно было заметить вражескую каску или вспышку выстрела из темной щели амбразуры. На крутом обрывистом участке берега, занятого гитлеровцами, возвышалась мрачная

серая громада главного корпуса 8-й ГЭС с земляными насыпями эстакад. Отбитые снарядами куски железобетонных стен свисали на прутьях арматуры, словно клочья изорванной одежды. Изуродованный железобетонный бастион скрывал множество орудий и минометов. Они могли поражать точным прицельным огнем реку, несколько километров правого берега и плацдарм, оставаясь сами трудноуязвимыми. Так было осенью

1941 года.

— Осиное гнездо... Измаил какой-то,— зло проворчал Одинцов, отрываясь от стереотрубы.— Шестидюймовым снарядом не раздолбишь. Разбомбить надо.

Говорю в не ответил. Господство в воздухе принадлежало еще фашистам. Он думал о том, в какое время суток лучше форсировать р>еку. С рассветом? Таится угроза быстрого массированного налета пикирующих бомбардировщиков. Ночью? Это осложнит управление высадившимся десантом, огонь нашей артиллерии будет недостаточно точным...

Нанести удар надо было как можно скорее, и войска Говорова начали форсирование Невы 9 сентября. Однако в первые же часы боя сказалась поспешность в подготовке операции. Внезапности не получилось, дивизии не имели времени для скрытого сосредоточения, не избежали сутолоки на берегу. Во в рюмя двухчасовой артиллерийской подготовки огнем трюхсот орудий не удалось подавить огневую систему врага из-за невыгодного для нас соотношения сил и по недостатку времени для тщательной разведки целей.

В итоге первая попытка захватить плацдарм передовыми частями 46-й и 86-й дивизий была отбита противником.

Говоров сразу прекратил переправу войск и по-прюсил Ставку дать на подготовку пять суток. Можно

4»

4 В. В. Выяснений

представить себе состояние командующего, которому приходится докладывать в Ставку о срыве операции, зная, что соседний Волховский фронт ведет напряженные бои со свежими дивизиями Манштейна...

Подписывая вместе с Ждановым документ, Говоров хмуро заметил:

— Мало нам пяти суток, но больше просить не имеем права.

Ставка увеличила срок сама, потребовав разгромить манштейновскую группировку.

Вспомним, что в эти дни немецко-фашистские дивизии начали штурм Сталинграда: битва на Волге вступила в кризисный период.

А на Неве 26 сентября войска ленинградского фронта вновь форсировали реку. Командующий фронтом извлек уроки из прошлой неудачи для себя и заставил то же самое сделать всех: штаб, командиров дивизий, артиллеристов, летчиков, инженеров. В командование Невской оперативной группой вступил

начальник штаба фронта Д. Н. Гусев, а все руководящие работники по родам войск стали на время помощниками Гусева; Говоров привлек к операции и моряков-балтийцев. Члены Военного совета фронта все дни подготовки сражения и во время боев находились в войсках.

На этот раз Говоров стянул в полосу форсирования Невы уже не триста, а шестьсот орудий и тяжелых минометов; сто шестьдесят орудий должны были прямой наводкой уничтожать самые близкие огневые точки.

Даже при переправе ночью совсем исключалась внезапность. Разведка доносила о движении новых фашистских частей к Неве. Не было сомнений, что Манштейн и Линдеман ожидали повторной переправы.

В отличие от первой попытки головные батальоны 70-й и 86-й стрелковых дивизий пересекли на лодках ; понтонах пятьсот метров Невы ночью под прикрытием более организованного огня. На вражеском бе-егу сразу начался тот неописуемый ночной бой в шшеях, где главным оружием становится граната, гомат и короткая, отточенная как топор, лопатка рхотинца. Плацдарм был захвачен. События разви-шсь с лихорадочной быстротой. Уже на следующий день Говоров получил разведсводку: среди пленных и убитых немцев оказались солдаты и офицеры новых двух пехотных и танковой дивизий. ,, Все последующие дни, одновременно с наращиванием сил Говоровым, Манштейн бросает в бой все новые силы своей группировки. В воздушных боях $ бомбовых ударах участвуют со стороны фашистов уже до трехсот самолетов в день. Ежедневные потери врага—до двадцати бомбардировщиков, у нас — десять-двенадцать истребителей.

1Г Говоров все дни и ночи на командном пункте Невской оперативной группы. Близится тот момент сражения, когда надо принимать серьезное решение.

В те дни в огневом бою в районе Невской Дубровки участвовало с обеих сторон более полутора тысяч орудий и минометов, около ста танков. Ожесточенность и непрерывность боя не позволяли даже убрать убитых. Потери гитлеровцев огромны, но и боевой порядок 86-й дивизии Федорова и 70-й Краснова на левом берегу настолько уплотнен, что каждая вражеская мина, каждая бомба, каждый снаряд находят себе не одну, а десять жертв. Командующий фронтом должен решать — что же дальше?..

30 сентября Говоров и члены Военного совета Кузнецов и Штыков обсудили сложившееся положение: Линдеман и Манштейн ввели в бой уже три новых

дивизии, перебросив их с Волховского фронта. Противник,

продолжая наращивать силы, может сбросить с плацдарма наши ослабленные непрерывными боями части. И все же Говоров считает нужным продолжать изматывать силы врага.

Еще трое суток идет отражение контратак, часто у самых командных пунктов дивизий. Ежедневно на поле боя остаются триста-четыреста трупов вражеских солдат. Но слабеют и наши войска.

4 октября Говоров решает провести полную эвакуацию плацдарма. Ставка утвердила это решение. Командованию Волховского фронта было разрешено перейти к обороне.

В ночь с 7 на 8 октября на левом берегу Невы очень скрытно сосредоточились около семисот лодок, понтонов и все инженерные части, участвовавшие в операции. Дождь и туман над рекой так помогли, что и 9 октября немцы еще не обнаружили ухода наших войск. Плацдарм был минирован, на нем был оставлен небольшой отряд автоматчиков. Артиллерия с правого берега продолжала наносить удары по немцам, собиравшимся атаковать пустое место.

Сентябрьские бои 1942 года войск Волховского г Ленинградского фронтов — весомая страница в летописи битвы за Ленинград. «Развить успех нашим войскам не удалось,— отмечается в шеститомно): «Истории Великой Отечественной войны».— Несмотря на это, наступление войск Волховского и Ленинградского фронтов имело большое оперативное значение, так как вынудило немецко-фашистское командование использовать для отражения удара советских войск соединения, предназначенные для наступ -ления на Ленинград» [2]

Г В течение десяти суток войска Мерецкова и Говорова растрепали и обескровили объединенную ударную группировку Линдемана — Манштейна. Все пехотные дивизии, танковая дивизия, авиационный корпус, до семисот орудий, готовившиеся к штурму Ленинграда в центре его обороны, втянулись в кровавые бои южней Ладожского озера. Понеся здесь огромные потери, противник уже не мог и думать 6 штурме Ленинграда. Не мог он и перебросить отсюда ни единой дивизии под Сталинград, где в эти дни началась конкретная подготовка финала великой битвы.

%у После завершения боев на Неве Говоров дал указание штабу фронта составить по свежим следам боевых донесений, сводок, распоряжений подробное Йисание форсирования Невы и борьбы на плацдарме. Ijie для анналов истории. Как командующий он хотел Йвглубже вникнуть в многообразный процесс сложной формы боя на этом возможном в будущем направлении прорыва блокады. Это описание, в кото-ПС хронологически, по дням раскрывались удачи и неудачи

соединений и всех родов войск, можно было видеть у него на столе до самого прорыва блокады в январе 1943 года.

- Проходит немногим более месяца со времени сентябрьских боев 1942 года и войска Говорова и Мерецкова начинают подготовку зимней операции по прорыву блокады. На базе Невской оперативной группы Л. А. Говоров формирует полнокровное управление 67-й армии во главе с генералом М. П. Духановым, выводит в резерв для боевой учебы еще несколько дивизий.

18 ноября Военный совет Ленинградского фронта представляет в Ставку свои соображения по прорыву блокады. Генеральный штаб детально изучает их,

•«...Раскрыть в ходе подготовки до мелочей весь объем действий каждого командира и его штаба на каждом этапе боя... Отрабатывать эти действия шаг за шагом»,— так сжато, но очень емко формулировал Говоров цели учений, тренировок, штабных занятий, на которых всегда бывал лично. А глубокая ночь заставала командующего фронтом над оперативной и разведывательной картами.

Встречи Говорова с командующим Волховским фронтом Мерецковым, анализ вместе с ним, с Ждановым и представителями Ставки Ворошиловым и Жуковым общей обстановки и условий местности позволяют выработать четкое, целеустремленное решение.

Ставка Верховного Главнокомандования рассмотрела соображения Говорова и Мерецкова и в своей

И 8 декабря Говоров получает директиву Ставки готовить прорыв блокады в конце декабря — начале января.

Прорыв_

Над Невой занимается хмурое январское утро. Обычное утро обычного дня войны... Вернулись с того берега разведчики, притащив по льду двух «языков», пришли саперы с трофеем, который они зовут «кабан»: брусок льда в полкубометра. Его пришлось всю ночь выпиливать под носом у фашистов, ибо командованию надо знать состояние льда у берега противника. С рассветом артиллеристы нацеливают оптику, прильнув к стереотрубам, изучают расположение и приметные ориентиры будущих целей. Ушли на охоту снайперы. Вялая перестрелка...

Все обычно и необычно, так как остались считанные дни до начала прорыва блокады.

А в войсках воодушевление, подъем. Газеты и листки со сводками Совинформбюро передаются из рук в руки, зачитываются до дыр. Еще бы! Наши войска добивают в сталинградском котле армию Паулюса в триста тридцать тысяч

человек.

Разорвать кольцо блокады вокруг Ленинграда, покарать врага — таково единодушное желание всех воинов Ленинградского фронта. Об этом они говорят на митингах и политинформациях, пишут в многочисленных заявлениях о приеме в партию, в письмах родным и близким.

Говоров работает с большим напряжением, готовя прорыв блокады. Вновь через Неву. Он продумывает каждую деталь плана операции.

Зима дает преимущество — не нужны лодки, понтоны, но она создает много других проблем. И потому так часто в землянке на командном пункте 67-й армии (которую предполагается включить в ударную группировку фронта) командующий фронтом с командармом генералом М. П. Духановым уточняют детали будущего сражения.

Детали? И да, и нет... За сколько минут солдаты пробегут по льду до вражеского берега? За пять, семь или восемь минут? Но это с автоматом, винтовкой... А со станковым пулеметом или минометом? Кричать на бегу «ура» или нет? Можно сорвать дыхание в мороз... Берег, занятый врагом, высок, обрывист, покрыт льдом. Сколько нужно на каждый батальон щгурмовых лестниц, веревок с крючьями, шипов на ботинки?

В часах и минутах выражены задачи летчиков, ййгиллеристов, танкистов. А врачи, интенданты?

Атака — одно, динамика боя в глубине — другое. Где детали, где главное?

директиве от 8 декабря 1942 года определила задачи Ленинградского и Волховского фронтов в операции, которая получила название Шлиссельбургской (условное наименование «Искра»). Ударные группировки фронтов, говорилось в директиве, должны совместными усилиями в течение января 1943 года разгромить немецко-фашистские войска, оборонявшиеся в районе шлиссельбургско-синявинского выступа и тем самым разорвать кольцо блокады Ленинграда. Ставка намечала в течение января и первой половины февраля образовать южнее Ладожского озера коридор, который надежно связал бы Ленинград со страной.

Была в этом замысле одна важная особенность, отличавшая нынешнюю операцию от предыдущих. В прошлых попытках прорвать блокаду главные усилия направлялись с внешней стороны кольца блокады, то есть со стороны Волховского фронта, а теперь предстояло нанести одновременный удар с двух сторон: изнутри кольца блокады и извне. За время, прошедшее после боев за Синявино, Ставка Верховного Главнокомандования отправила в Ленинград ряд новых формирований, танки, реактивную

артиллерию, самолеты.

Итак, задача Ленинградского фронта ясна. Снова и снова Говоров склоняется над картами. Уточняет силы противника, пытается определить его вероятные действия в той или иной обстановке, которая может сложиться в ходе операции.

К декабрю 1942 года у гитлеровцев под Ленинградом уже не было танковых резервов; 9 октября ушла на пополнение обескровленная 12-я танковая дивизия. Линдеман, организуя оборону выступа южнее Ладожского озера, опирается больше на пехоту и мощную артиллерийскую группировку, а также на созданную за два года систему инженерных укреплений. Фашисты обороняют выступ силами четырех дивизий; в резерве у них в этом районе еще две дивизии.

Говоров вместе с работниками штаба скрупулезно высчитывает не только наличное количество дивизий, полков противника, но и то, что может быть в процессе сражения переброшено с других участков. Возможно, это будут еще три-четыре пехотные дивизии и около ста танков. До пятисот орудий противника насчитывается в полосе будущего наступления 67-й армии генерала Духанова.

Какой же мощности артиллерийский кулак надо обрушить на огневую систему, на инженерные укрепления, на живую силу врага, чтобы в атаке и в динамике прорыва все время расчищать путь нашим войскам?

В осенних боях Говоров смог сосредоточить на участке форсирования Невы до шестисот стволов артиллерии, а теперь он ослабляет даже Пулковский и Колпинский участки и Карельский перешеек, но собирает со всего фронта в 67-ю армию около двух тысяч орудий и тяжелых минометов.

В ударную группировку 67-й армии включено восемь стрелковых дивизий, пять стрелковых, одна лыжная и три танковые бригады, 414 самолетов.

Выбор участка прорыва... Снова раздумья командующего над картой, выезды на Неву, расчеты с циркулем, изучение аэрофотоснимков, совместная работа с коллективом штаба, командирами дивизий.

Говоров выбрал для удара через Неву полосу по течению реки выше, чем район сентябрьских боев, ближе к Шлиссельбургу, с тем расчетом, чтобы войскам обоих фронтов пришлось преодолеть наименьшее расстояние до встречи. Протяженность полосы

прорыва большая — тринадцать километров. Men ность тяжелей, чем у Невской Дубровки: справа-все та же 8-я ГЭС с десятками орудий, укрытых ь бетоне; слева — Шлиссельбург,

тоже, как крепость И левый берег для штурма очень крутой, высотой д. > двенадцати метров. Ворваться на него после бега че рез широченную Неву будет сверхтрудно и пехоте не говоря уже о танках. Без саперов со взрывчаткой для уничтожения инженерных сооружений врага г рассчитывать нельзя на успех... 8-ю ГЭС надо окру жать в ходе боя, шлиссельбургский гарнизон против ника вначале сковать и локализовать с фланга; центр обороны протаранить по кратчайшему расстоянию д! встречи с войсками Мерецкова.

Сильных контратак, а может быть и контрудара следует ждать из района Синявинских высот и с< > стороны Мги — там подвижные резервы Линдемана но будут удары и из фланговых узлов — от 8-й ГЭС из Шлиссельбурга.

Как лучше строить боевой порядок пехоты и тан ков, как распределить по времени, рубежам и объек там огонь огромной массы артиллерии, чтобы упреж дать контратаки Линдемана? Он ведь тоже сидит на;: картой, считает и пересчитывает свои силы, пытаете:: разгадать, к чему готовятся русские. Пленные показывают, что Линдеман издал приказ: любой ценой отстаивать шлиссельбургско-мгинский выступ — «бутылочное горло», ибо это замок на двери блокады Ленинграда.

К 12 января 1943 года закончилась вся многогранная подготовка к сражению, вошедшему одной из самых ярких страниц в историю битвы за город Ленина Проведены учения и тренировки по преодолению ледяного пространства Невы, штурму обрывистого берега с лестницами, крючьями на веревках, учебные атаки пехоты с саперами через минные поля. Разведаны артиллерийские цели, спланированы взаимодействующие удары авиации и артиллерии.

При подготовке к операции была решена еще одна необычная задача. Лед, сковывавший Неву, мог не выдержать огромного веса танков, которым предстояло вслед за пехотой ринуться на левый берег Невы. Значит, его требовалось усилить. Но как? После мучительных поисков выход из положения нашли офицеры технического отдела штаба инженерных войск Ленинградского фронта. Они предложили новое оригинальное и, что самое важное, простое решение: крепить ко льду сквозными болтами деревянный колейный настил и поперечины его — шпалы; болты смерзнутся со льдом, и настил как бы приварится ко льду. Начальник технического отдела майор Л. С. Баршай, мой заместитель подполковник Н. М. Пилипец и командир 41-го понтонного батальона капитан Е. П. Гуляницкий провели испытания на Неве. Оно прошло успешно. «Т-34» четыре раза прошел по колейному настилу, не повредив ледяной покров.

Широкая массовая политическая работа в войсках перед операцией завершилась встречами воинов с делегациями заводов Ленинграда, а затем обращением-призывом Военного совета фронта к воинам 67-й армии — «дерзать в бою, помнить, что им вверяется в бою жизнь и свобода Ленинграда».

Секретарь горкома, член Военного совета фронта Алексей Александрович Кузнецов на время операции отправился во 2-ю ударную армию Волховского фронта в качестве члена Военного совета этой армии.

Сражение началось одновременным броском в атаку по льду четырех дивизий первого эшелона 07-й армии на участке в тринадцать километров

после двух часов и двадцати минут ураганного огня всей сконцентрированной здесь артиллерии. Около трехсот орудий из двух тысяч стояли на позиции вдоль берега Невы для стрельбы прямой наводкой, чтобы быстро уничтожить береговые огневые точки, но не разрушить при этом лед у берега, занятого врагом.

По приказу Говорова в штурме участвовали дивизии, которые прошли школу жестоких схваток с группировкой Манштейна. В центре — солдаты 136-й дивизии генерала Н. П. Симоняка, многие из которых мужественно сражались на полуострове Ханко летом и осенью 1941 года в составе 8-й отдельной стрелковой бригады, послужившей базой для формирования этой дивизии.

Слева, против Шлиссельбурга, где ширина Невы семьсот метров, шла 86-я дивизия Героя Советского Союза полковника В. А. Трубачева — бывшие народные ополченцы; справа — 268-я дивизия полковника С. Н. Борщева; и на самом трудном, правом фланге, для удара на 8-ю ГЭС — 45-я гвардейская ордена Ленина дивизия Героя Советского Союза А. А. Краснова (старейшая ленинградская бывшая 70-я дивизия с первых дней войны участвовала в самых кровопролитных боях, в контрударах на дальних и ближних подступах к городу).

Сражение началось. О его героях — солдатах и командирах всех родов войск — написаны исторические труды, мемуары, яркие художественные произведения, очерки, картины. В архивах хранятся уникальные киноленты. Штурм обрывистого берега Невы 12 января 1943 года не случайно сравнивается иногда с более давним историческим штурмом чудо-богатырями Суворова крепости Измаил. Солдаты, командиры, политработники — представители частей —

были перед боем на могиле Суворова и дали клятву бить врага так, как завещал великий русский полководец. Военный совет фронта разрешил генералу Симоняку вывести на берег сводный оркестр, и бойцы бежали по льду со штурмовыми лестницами под могучие аккорды «Интернационала». Перед самым штурмом более двух тысяч молодых солдат и офицеров подали заявления о приеме их в партию и комсомол.

На командных пунктах пульс всегда лихорадочен, когда первые цепи солдат достигают вражеских траншей. Казалось бы, операция неглубокая. Командарм Духанов и его штаб четко и уверенно довели подготовку войск до начала атаки, они достаточно опытны по прошлым боям. Но то — в прошлом. Слишком велико значение, военное и политическое, успеха или неуспеха операции. И она первая с начала войны с фронтальным прорывом сильной позиционной обороны, создававшейся фашистами полтора года. Вот почему формы руководства

сражением со стороны командования фронтом носят специфичный характер. И Говоров, и члены Военного совета, и большая часть руководящего состава штаба находятся или у командиров дивизий, или на командном пункте армии. Это и опека, и контроль, и беспокойство. Теперь в каждый новый час боя надо предвидеть, что произойдет дальше.

Острота создалась уже в первые часы, когда Тру-бачев донес, что преодолеть семьсот метров Невы под Шлиссельбургом его полкам не удалось: на середине реки их встретил шквальный огонь и уложил на снег, только некоторым батальонам удалось прорваться к берегу. Срыв атаки дивизии Трубачева опасен для соседней справа дивизии Симоняка. Она протаранила первые линии траншей и дзотов и углубилась до трех

километров. Но теперь ее фланг открыт со стороны Шлиссельбурга!

Духанов докладывает Говорову: вынужден отвести полки Трубачева назад. Резкий, острый разговор:

— Легче всего дать команду «назад»... А что дальше? Удар гитлеровцев по Симоняку?

— Я полагаю ввести части Трубачева в прорыв на участке Симоняка, а затем развернуть его на Шлиссельбург.

— Немедленно приводите в порядок части Трубачева и вводите быстрей в бой на левом фланге Симоняка! Дорог каждый час!

Возвратившись на исходные позиции, части 86-й дивизии быстро доукомплектовываются, пополняют боеприпасы и во второй половине дня переправляются на другой берег в полосе 136-й дивизии.

Неудачи и на правом фланге, в дивизии Краснова. Говоров ждал, что она, наступавшая впритык к массиву железобетона 8-й ГЭС и каменным зданиям рабочих городков, встретит особо сильное сопротивление. Однако надеялся на опыт Краснова в сентябрьских боях. Молодой генерал-гвардеец был дерзким, уверенным. С осени он сохранил на левом берегу небольшой плацдарм и сейчас рассчитывал частью сил нанести удар, сразу направленный на окружение 8-й ГЭС. Командарм Духанов выделил для Краснова почти в полтора раза больше артиллерии, чем для соседа — 268-й стрелковой дивизии полковника Борщева.

Увы, в первые дни боев 45-я гвардейская дивизия не добилась успеха, и отнюдь не по вине ее солдат и командиров. Ибо именно там, на местах осенних боев, фашисты и ожидали главный удар, именно туда они направили ббльшую часть огня своих батарей, оживших после первоначального шока.

Телефонные разговоры командарма в подобных случаях непередаваемы. У всех нервы подобны натянутой тетиве лука. И Говорову не хватает уже выдержки. Духанов молча проглатывает почти грубые реплики командующего. Суть не в словах. Атака гвардейской дивизии сорвана, и это опять фланг в полосе прорыва! Фланги, фланги... От них зависит судьба вершины клина, вбитого центральными дивизиями Симоняка и Борщева.

И через тридцать лет ветераны будут иногда спорить на тему — в чем причина неудачи сильнейшей дивизии фронта в первые дни прорыва? Может быть, просчет командующего? А может быть, какая-то дивизия и должна была принять на себя ббльший огонь противника и тем самым обеспечить успех на главном направлении? И этой дивизией оказалась 45-я гвардейская?..

Двое суток кипит поле боя еще совсем вблизи Невы. Яростны и скоротечны воздушные бои истребителей и, наоборот, длительны штурмы зданий, дотов, блиндажей, где с упорством обреченных дерутся фашисты.

Но уже проложены понтонерами по льду Невы колейные настилы для тяжелых танков, выдвинуты на помощь пехоте тяжелые орудия, реактивные минометы.

Клин Симоняка упрямо вбивается все глубже и глубже, невзирая на открытые фланги. Продвигается в направлении Шлиссельбурга и дивизия Трубачева, снова введенная в бой из-за фланга 136-й дивизии.

И снова пульс боя резко лихорадит: на 268-ю дивизию Борщева, соседнюю с Симоняком, обрушивается сильная контратака резерва Линдемана. Опять предметный урок всем командирам, управляющим

i.

боем в глубине вражеской обороны: отстает в снегу артиллерия, оставляя пехоту одну. Вечером 13 января полки дивизии Борщева неожиданно откатываются на два километра назад, не выдержав танкового удара гитлеровцев. Это значит — снова обнажен, теперь правый фланг дивизии Симоняка.

До войск Волховского фронта, до 2-й ударной армии генерала В. З. Романовского, тоже прорвавшей фронт противника навстречу ленинградцам,— еще восемь километров. По карте — один прочерк карандаша. Но какие усилия на поле боя, на командных пунктах! Все концентрируется в такие кризисные моменты— воля и ум командующего, четкость работы штабов, безотказность связи.

Едва ли Говоров, командарм Духанов, личный состав штабов спали, точнее урывали час-другой на отдых в течение этих дней и ночей. Пришлось изменять время и направление ввода второго

эшелона армии и танковых бригад, выезжать к командирам дивизий, чтобы оценивать обстановку и давать указания на месте. Нельзя было выпускать из-под контроля ни один час боя, Фашисты пытались спасти положение единственно возможным методом — бросали и бросали в контратаки резервы. Наше командование в противовес этому непрерывно наращивало удары авиации, артиллерии и тоже вводило свежие резервы.

Семь суток нарастал накал наступления и от Невы и из района южнее Ладоги. Хроника боев содержит бесчисленное количество подвигов отдельных солдат, взводов и батарей, батальонов и полков во всех дивизиях. Об остроте, напряжении и упорстве можно судить по темпам продвижения: один-два километра в сутки, причем бои не прекращались и ночью. На 14 января расстояние между частями Ленинградского

и Волховского фронтов составляло четыре километра, 16 января — один километр.

Дрались уже дивизии вторых эшелонов. Советские воины окружили Шлиссельбург, затем ворвались в него, вели уличные бои, штурмовали отдельные здания. В попытке вырвать оттуда остатки гарнизона Линдеман снова бросил в бой новые части и ввел в контратаку два полка с танками против частей дивизии Симоняка, продолжавших пробиваться к заданному пункту соединения с волховчанами в районах станций Подгорная, Синявино, Рабочий поселок № 5.

В кульминационном бою Симоняк наголову разгромил и эти резервы врага.

И вот наступил наконец день 18 января, вошедший в летопись легендарной Ленинградской эпопеи яркой солнечной страницей. Соединились войска двух фронтов. Кольцо блокады Ленинграда разорвано!

«...Люди высыпали на улицу. Улыбки и слезы. Город украшен флагами. Рядом с выжженными домами и кварталами эти флаги — символ будущего, символ восстановления, строительства Ленинграда»,— писала «Правда» в те дни.

В историю Великой Отечественной войны вписаны часы и минуты: в 9 часов 30 минут 18 января 1943 года у Рабочего поселка № 1 встретились бойцы батальона капитана Собакина из 123-й стрелковой бригады Ленинградского фронта, которой командовал полковник Шишов, и батальона капитана Демидова 372-й дивизии Волховского фронта, которой командовал полковник Радыгин.

В тот же день, 18 января, в Москве было принято решение о немедленном строительстве железнодорожной линии Шлиссельбург — Поляны с мостом через Неву. И уже 6 февраля в

Ленинград прибыл эшелон с продовольствием из глубины страны.

Что может вызвать более глубокое удовлетворение у военачальника, как не такое реальное, зримое воплощение победы! В подготовку, в осуществление ее вложены духовные и физические силы тысяч и тысяч людей, в том числе и его — командующего. Большой личный вклад Леонида Александровича Говорова в победу был отмечен высокой наградой. Он получил орден Суворова I степени. 15 января 1943 года, в разгар боев по прорыву, Говорову было присвоено звание генерал-полковника.

Военно-политический резонанс прорыва блокады Ленинграда, как и итогов великой битвы под Сталинградом, был огромен и в Европе, и в Америке.

А перед войсками Ленинградского и Волховского фронтов и их полководцами стояли уже новые проблемы.

Весь 1943 год на северо-западе шли затяжные бои. Великие Луки, Любань, Красный Бор, Синявино... После прорыва блокады вызревал разгром северного крыла Восточного фронта гитлеровцев. Вызревал в целой серии частных операций, которые именуют «боями местного значения». На северо-западе, среди болот и лесной глухомани, шло «перемалывание» живой силы противника в небольших по масштабам боях, но на многих участках.

У Мерецкова и Говорова после прорыва блокады не было еще такого перевеса над группой армий «Север», чтобы в одной операции разгромить ее главные силы. Основная задача в этот период: не допустить переброски на другие фронты ни одной из десятков фашистских дивизий Кюхлера.

И вот идут непрерывные изнурительные бои...

Один из командиров дивизий, генерал А. В. Бат-лук, рассказывал, вспоминая синявинские бои 1943 года:

«Если зимой торфяные болота там хотя немного замерзали, то летом настал какой-то кромешный ад... На узких тропках между бесчисленными торфяными ямами ни укрыться, ни разойтись даже санитарам с носилками. Все просматривается и простреливается немцами с занятых еще в 1941 году высот. «Чертовы высоты». А у нас трясина засасывает орудия до четырех метров в глубину. Жара, болотные испарения и постоянно тлеющий от пожаров торф вызывает рвоту; за неделю преют и расползаются гимнастерки. «Прогрызание» длится больше месяца. Говоров принял решение: ограничить участие каждой дивизии в таких боях десятью сутками. Мы, командиры дивизий, называли это «поурочной системой Говорова». И, откровенно, не могли

тогда оправдывать непрерывности лобовых атак без перевеса в силах. А сейчас, вспоминая ход последующих событий, я думаю, что Говоров сумел все же сохранить в таких условиях боеспособность всех дивизий к моменту главного удара».

Ж' Добавим — и выполнить долг полководца: не дать противнику перебросить отсюда на центральный участок советско-германского фронта под Курском ни одной дивизии. А итоги Курской битвы, в свою очередь, приблизили разгром главных сил группы армий «Север».

Разгром 18-й армии 9 сентября 1943 года Л. А. Говоров и А. А. Жданов представили в Ставку первые соображения по замыслу будущей операции. В них было написано: «...Военный совет Ленинградского фронта считает своевременным поставить вопрос о разгроме 18-й ар-

мии, как основы северного крыла восточного фронта противника, и не только окончательно освободить Ленинград, но и овладеть всем лужским плацдармом с выходом на рубеж р. Луга от устья до г. Луга, как предпосылки дальнейших действий на Прибалтику».

14 сентября послал в Ставку свои соображения и Военный совет Волховского фронта.

Общий замысел операции, утвержденный Ставкой, сводился к тому, чтобы ударом ленинградцев с севера в направлениях на Гатчину и Кингисепп, а волховчан с юго-востока на Чудово, Дивенский и Новгород, Луга рассечь немецко-фашистскую группу армий «Север» на стыке 18-й и 16-й армий, выйти на основные коммуникации вражеских войск южнее Ленинграда и окружить главные силы 18-й армии противника. Не дать 16-й немецко-фашистской армии перебросить соединения под Ленинград вменялось в задачу 2-го Прибалтийского фронта. Для этого войска его левого крыла должны были перерезать железные дороги Полоцк — Идрица и Новосокольники — Дно и тем сковать главные силы 16-й армии.

Такое решение вполне отвечало взглядам Говорова. Он считал, что армию Линдемана до сих пор спасала возможность маневра силами своей и 16-й армий, потому что Ленинградский и соседние фронты наносили удары на узких участках, не угрожая окружением больших группировок.

Теперь, после крупнейших поражений гитлеровской армии на многих фронтах, коренным образом изменилась обстановка и в группе армий «Север». Разведывательный отдел фронта давал сведения, что 20 немецких дивизий перед Ленинградским и

Волховским фронтами стоят, по существу, в одном оперативном эшелоне. В районе Псков, Чудово, Остров расположено всего три-четыре дивизии.

1 — Кюхлер уже не имеет крупных резервов,—

® докладывал Евстигнеев Говорову в те дни.

S Для Говорова и Мерецкова было крайне важно ? разгадать планы противника в этих условиях. Что ' намерен делать командующий 18-й фашистской армией Линдеман? Появились характерные симптомы: гитлеровцы спешно создают тыловую оборонительную полосу на рубеже Нарва, Псков, Порхов. Она уже названа ими «Пантерой». Пленный офицер-сапер рассказал и о промежуточных рубежах, о подготовке к разрушению мостов, дорог, к минированию населенных пунктов... Не собирается ли Линдеман, понимая шаткость своей позиционной обороны на широком фронте с малыми резервами, уйти из-под Ленин града раньше, чем его «подсекут под корень»?

■ Ставка располагала еще более полными разведывательными данными и считала очень вероятным вариант преднамеренного отвода 18-й армии на сокращенную линию фронта под Нарву и Псков.

Но в таком случае надо готовить не прорыв, а пре-.КУгедование. Не дать фашистам уйти безнаказанно Из-под стен Ленинграда! Необходимо иное построение нашей группировки, создание подвижных сил. И Ставка требует обязательного учета этих обстоятельств.

Такой «кроссворд» командующий фронтом и штаб решали долго. Они скрупулезно разрабатывали план одновременно в двух вариантах.

Говоров склонялся к тому мнению, что Линдеман не уйдет сам с позиций, которые создавались два с половиной года.

— Конечно, после сталинградского котла и разгрома под Курском у немцев нет генерала, который бы не боялся подобного, — говорил он, слушая доклад начальника разведотдела,— но в подготовке промежуточных рубежей позади «Пантеры» должен быть какой-то оперативный замысел. Какой?

бремя шло, но не было признаков, что Линдеман вот-вот начнет преднамеренный скрытный отход на тыловую полосу. Однако партизаны, боровшиеся с оккупантами в этих местах, доносили: немцы вывозят оборудование промышленных предприятий, переводят крупные склады, базы в более глубокий тыл, за рубеж «Пантеры».

— А что вы по этому поводу думаете? — опять пытал Говоров Евстигнеева.

Разговор шел в присутствии Жданова и других членов

Военного совета. Генерал Евстигнеев, отличавшийся умением всесторонне анализировать сведения из различных источников, избегал поспешных выводов. Он высказался осторожно:

— Все дивизии противника на местах... Получают пополнение... Линдеман тоже ведет разведку. Нашу подготовку трудно от него скрыть. Возможно, он готовит себе свободу маневра в своих тылах. На тот случай, если не удержится на долговременных позициях...

— Вот-вот,— ухватился за эту мысль Жданов.— Разрабатывайте-ка эту версию дальше, товарищ Евстигнеев. Фашисты не могут не понимать, что теперь мы намного сильнее их, но так запросто бросить все и бежать?! Очень непохоже на них... А Финляндия? Пока это союзник гитлеровцев. А в случае их бегства?

Только впоследствии вскрылось, что командующий группы армий «Север» Кюхлер и Линдеман действительно боялись окружения 18-й армии. Поэтому «разгружали» ближний тыл, чтобы облегчить быстроту передвижения войск по всему фронту. В то же время Гитлер категорически отверг вариант преднамеренного отхода, предложенный Кюхлером, и дал директиву — удерживать позиции под Ленинградом до последнего солдата. Для Гитлера группа армий «Север» была основой левого крыла Восточного фронта.

В дни, о которых идет речь, Ставка Советского Верховного Главнокомандования, разрабатывая общий план кампании 1044 года, предусматривала, что наступательная операция на Ленинградском направлении будет одной из серии мощных, последовательных и нарастающих ударов на всем советско-германском фронте, ударов, исключающих попытки гитлеровских генералов удержать позиции на своих операционных направлениях. Календарно операции войск Ленинградского и Волховского фронтов планировались как первый из таких ударов в самом начале 1944 года.

Предложения Мерецкова и Говорова были утверждены в октябре. Для большей силы удара с ораниен-бауманского плацдарма Ставка приказала Говорову передислоцировать туда 2-ю ударную армию. Этим решением определялось окончательное содержание и цель будущей операции Ленинградского фронта во взаимодействии с Краснознаменным Балтийским флотом: вначале встречными ударами 42-й армии из Пулкова и 2-й ударной армии с ораниенбаумского плацдарма окружить и уничтожить вражескую группировку в районе Петергоф, Стрельна, Урицк, а далее вести широкое наступление на юго-запад, в сторону Кингисеппа и Луги.

«Выбор формы прорыва в виде двух концентрических ударов, наносившихся на относительно узких участках со стороны Пулковских высот и с ораниенбаумского плацдарма,— писал позже Говоров,— был обусловлен стремлением получить после соединения

обеих ударных группировок настолько широкий прорыв, который уже в начальном этапе операции привел бы к полному крушению фронта обороны и создал бы благоприятные условия для развития удара в глубину и упреждения противника на подготовленном тыловом рубеже по р. Луга» [3].

Войска Волховского фронта наносили главный удар на новгородском участке. Там они действовали совместно с войсками 2-го Прибалтийского фронта, которые, как уже известно, должны были сковать силы 16-й немецкой армии.

Масштабы операции были несравнимы с прошлыми и вполне понятно, что командующий, штаб и войска готовились с особой тщательностью. Вновь проводилась целая система учений и тренировок во всех родах войск — от штабных оперативных до тактических занятий штурмовых групп на полях, где создавались «копии» вражеских позиций, включая доты, минные поля.

Говоров установил такой порядок, чтобы единая разведывательная карта составлялась в разведотделе с привлечением командующего артиллерией, воздушной армией и начальника инженерных войск. Карта подписывалась всеми. Это гарантировало взаимодействие разведгрупп различных родов войск. Такая карта содержала детали обстановки от передней траншеи, огневой точки и минного поля до глубоких резервов противника.

Предстоящий прорыв значительно превышал по глубине и сложности все то, что происходило год назад на Неве.

Со стороны Пулковских высот 42-й армии надлежало нанести удар в самом центре мощных укрепле-

ний противника, причем имея на флангах своей полосы прорыва укрепленные города — Урицк справа и ! Пушкин слева. А в глубине еще более мощные — Красное Село и «узел узлов» 50-го фашистского армейского корпуса — Гатчина.

[1] Гитлеровцы давно превратились из осаждавших в осажденных. Перед ними город-гигант, где вновь дымят заводские трубы и откуда артиллерия быстро 1^подавляет любую попытку стрелять по городу.

А позади — уже целые партизанские районы. Там Вхоже идет война с захватчиками.

I* Дивизии 50-го фашистского армейского корпуса за два года глубоко зарылись в паутине траншей, .■i'8 сотнях

бетонированных и иных бункеров-убежищ и .«боевых сооружений, прикрытых всеми видами за-Вграждений. Глубина полос минных полей достигала . ста метров.

Б Командующий артиллерией фронта генерал Одинцов подсчитал, что из ста шестидесяти вражеских ^батарей, стоявших к югу от Ленинграда, более ста '^действуют в полосе 42-й армии, то есть там, где пред-* стоял прорыв.

Bj.' Ставка дала Ленинградскому фронту значительное количество новейшей артиллерии, достаточные ;вапасы снарядов к ней, пополнила его войсками. -Говоров имел полную возможность создать для прорыва высокие плотности огня, обеспечив господство над противником и в воздухе. Важнейшую роль играла артиллерия Краснознаменного Балтийского фло-. та, обладавшая наибольшей дальнобойностью. В силу этих ее качеств Л. А. Говоров вместе с командующим флотом вице-адмиралом В. Ф. Трибуцем выделил -аначительную часть артиллерии флота для действий по глубине обороны немцев. Балтийцы наносили удары береговой и корабельной артиллерией и своей

авиацией по командным пунктам противника, узлам связи, по таким особо укрепленным пунктам, как Красное Село, Дудергоф, Воронья Гора, по железнодорожным узлам. В состав ударной группировки командующий фронтом включил две артиллерийские дивизии прорыва и 3-й Ленинградский контрбатарейный артиллерийский корпус генерала Н. Н. Жданова (Говоров придал их 42-й армии, которой предстояло действовать на главном направлении). Входила в состав ударной группировки и 2-я ударная армия.

Эти крупнейшие соединения обеспечивали и массирование огня и маневр в ходе глубокой операции.

Чтобы наглядней оценить масштабность роста огневой мощи войск Ленинградского фронта к концу 1943 года, следует сравнить цифры этого периода с цифрами не такого уж давнего прошлого. Командующий артиллерией 42-й армии генерал М. С. Михалкин сейчас «расписывал» по целям, рубежам, времени и назначению огонь 460 артиллерийских и 300 минометных батарей. На каждый километр фронта прорыва в среднем получалась плотность до 200 стволов. А когда тот же М. С. Михалкин осенью 1941 года отбивал огнем своих орудий немецко-фашистский штурм на тех же Пулковских высотах, он имел в своем распоряжении 8—10 орудий на километр обороны!

Роль ораниенбаумского плацдарма, куда теперь перебрасывалась из района Синявино через весь фронт 2-я ударная армия И. И. Федюнинского трудно переоценить. Л. А. Говоров не мог не воздать должное тем, кто в 1941 году

беззаветно дрался за сохранение этого плацдарма. [4]

V

I Сложный маневр 2-й ударной армии с переправой В через Финский залив командующий Ленинградским ■ фронтом контролировал и лично и через свой штаб, а также через штаб Краснознаменного Балтийского Т флота. Вместе с моряками Говоров прошел ночью до Щ,Ораниенбаума и обратно. Районы посадки войск, Щцогрузки артиллерии, танков в самом Ленинграде и в [k] районе Лисьего Носа под Сестрорецком были тщательно подготовлены. Балтийцы с большим тактическим мастерством и достаточной скрытностью сумели под самым носом у немцев перебросить целую армию со всей боевой техникой.

В? Летом 1941 года Гитлер хвастался, что быстро Ьуничтожит весь советский Балтийский флот. Осенью того же года он объявил, что наш флот, загнанный в мСронштадт и в Неву, уничтожен авиацией. Но Краснознаменный Балтийский флот, сохранивший в тя-Ьелых боях свое боевое ядро, наносил ощутимые удары оккупантам, надежно прикрывая морские рубежи Ленинграда.

R Осенью 1943 года в войсках Ленинградского фронта осуществлялись крупные организационные ^^мероприятия, связанные с переходом к корпусной “структуре. В середине лета в составе армий фронта имелось только два корпусных управления (30-го гвардейского корпуса во главе с генералом Н. П. Симонином и 43-го, которым командовал генерал А. И. Андреев), а для разгрома 18-й немецкой армии • формировалось еще восемь. Ими командовали ветераны прошлых сражений под Ленинградом — П. А. Зайцев, В. А. Трубачев, А. Н. Астанин — и генералы, -Прибывшие с других фронтов и обладавшие опытом действий на различных театрах военных действий — И. П. Алферов, И. В. Хазов, Г. И. Анисимов, М. И. Тихонов, В. К. Парамзин.

*

Переход к корпусной системе управления войсками в бою повышал права и ответственность командармов и командиров соединений, давал возможность командующему фронтом углубляться в решение самых главных проблем. Говоров так и делал, но не ослаблял жесткого повседневного контроля по своей формуле «отработка шаг за шагом действий каждого командира и его штаба на каждом этапе операции и боя». К этому уже все привыкли; знали и его метод — идти от общего к частному. Приезжая в штаб армии, он выбирал один из вопросов готовности армии и проверял его лично, начиная от штаба армии и кончая

командиром полка, а иногда батальона и роты. «Нет мелочей при подготовке атаки»,— говорил Говоров. Стиль и методы работы командующего постепенно становились стилем и методами работы командиров подразделений.

Говоров нес всю полноту ответственности за сотни тысяч человеческих судеб, ответственности и моральной, и юридической, и исторической. Поэтому любые факты безответственного отношения к делу вызывали у него раздражение.

Так, например, с первых же дней своего командования он установил главный критерий эффективности оборонительных работ в войсках — минимум потерь при массированных артиллерийских обстрелах позиций врагом. Не один командир дивизии получал от него суровый выговор, если на его участке нельзя было пройти по траншеям в полный рост от командного пункта до переднего края. Говоров частенько говаривал: «Я с вами церемониться не намерен. Это война, а не игра в бирюльки».

Результатом такой требовательности было сохранение жизни многих воинов.

Некоторые командармы и командиры соединений

по укоренившейся ранее привычке при докладах командующему пытались ограничиваться изложением общей тактической обстановки или своего решения, а «детали» докладывали специалисты: артиллерист — свое, танкист, летчик, инженер, интендант— свое. Говоров быстро положил этому конец, резко отклоняя подобный доклад:

— Потрудитесь все доложить сами. Будет необходимо, я спрошу и у них.

Этим он быстро вскрывал «белые пятна» в знании общевойсковыми командирами деталей взаимодействия родов войск, их боевых свойств.

Командующий был вспыльчив, но быстро отходил. Как-то он сделал в очень резкой форме замечание одному старшему командиру в штабе армии за просчет, ошибку. Командира этого он давно и хорошо знал, ценил и уважал за смелость и боевое мастерство. Присутствовавший при неприятном разговоре представитель Ставки маршал Ворошилов решил смягчить тон Говорова.

— Леонид Александрович, один бог не ошибается.

Говоров ворчливо, но уже добродушно ответил:

— Он же бездельник, бог. Может даже ошибаться. Нам-то этого не позволено делать.

Частое общение Говорова с командирами многих частей и соединений привело к простоте отношений между ними. Они

стали понимать своеобразие его характера. Командир одной из гвардейских дивизий, полковник Щеглов, человек веселый, острый на язык, однажды во время учений его дивизии в тыловом районе предложил Леониду Александровичу объехать участок верхом, зная пристрастие Говорова к лошадям. Коня подвели горячего, Говоров не сразу сел.

— Что это он у вас такой пугливый?

Щеглов отчеканил серьезным тоном, хотя глаза его посмеивались:

— Он вас, товарищ командующий, боится, с нами он смирный.

Говоров принял шутку-намек.

— Не особенно умные люди всегда чего-нибудь боятся... Вы-то не боитесь, как я наблюдаю.

Леонид Александрович Говоров пользовался огромным авторитетом среди воинов, офицеров и генералов фронта. Его уважали за истинно партийный подход к делу, за смелость решений, за то, что никогда не забывал о нелегком солдатском труде, заботился о воинах. Импонировал и его стиль работы: решения всесторонне продуманы, приказания лаконичны и предельно ясны; он всегда равно требователен к себе и подчиненным, всегда строг и принципиален. Кое-кто, правда, говорил, что Леонид Александрович чрезмерно строг. Однако подобные разговоры часто бывали абстрактны. Один из работников Генерального штаба, приехав в Ленинград, удивился: до Москвы, мол, дошли толки, что Говоров «свиреп», а вот он видит, что за два года его командования никого не отстранили, командные кадры в армиях, дивизиях, в штабе фронта старые. Дмитрий Николаевич Гусев ответил на это своей поговоркой:

— Семейка подобралась подходящая, зачем же ее разрушать? А воспитывать Леонид Александрович умеет по-своему.

17 ноября 1943 года Леониду Александровичу Говорову было присвоено воинское звание «генерал армии», что означало признание его полководческих способностей. Впереди ожидало то, что составляет главную цель жизни военачальника во время войны— решительный и полный разгром противостоящих вражеских войск.

Военный совет, штаб, политуправление Ленинградского фронта, а также обком и горком партии

вели в этот период очень напряженную целеустремленную работу в военно-организаторском и идеологическом отношениях. Как и раньше, на практике осуществлялось единство партийного и военного руководства боевой и трудовой деятельностью войск и трудящихся города-фронта.

Партийным руководителям города и области — А. А. Жданову, А. А. Кузнецову, Т. Ф. Штыкову, Н. В. Соловьеву — были присвоены воинские звания генералов. За минувшее время весь партийный актив прошел по сути дела практический курс военно-политический академии.

Секретарь горкома Алексей Александрович Кузнецов, ставший генерал-лейтенантом, отлично знал почти каждую дивизию фронта, равно как и в деталях жизнь, быт и производство каждого крупного завода. Совсем не случайно он с первого дня войны как член Военного совета возглавлял руководство оборонительным строительством. Но Кузнецов не переставал быть секретарем горкома, это было главным в его деятельности. И теперь, выезжая в войска, в своих беседах и выступлениях он неизменно говорил о партийных, боевых и трудовых традициях крупнейших заводов города, а в войсках было много воинов с этих заводов.

Член Военного совета Николай Васильевич Соловьев — председатель Ленинградского облисполкома, теперь генерал-майор, руководил всей системой тылового обеспечения фронта. Огромная база Ленинграда, имеющего уже железнодорожную связь со страной, обеспечивала бесперебойность материального снабжения.

Секретарь Ленинградского обкома партии Терентий Фомич Штыков, получивший звание генерал-лейтенанта, был назначен членом Военного совета сосед-

.

него Волховского фронта, а третий секретарь обкома Михаил Никитич Никитин возглавлял штаб партизанского движения.

Под руководством членов Военного совета армейские политорганы вели широкую идеологическую и массово-политическую работу в войсках. Почти все время работники политуправления фронта, политотделов армий, корпусов и дивизий находились среди бойцов. В гости к воинам приезжали рабочие ленинградских заводов, делегации из дальних областей, городов. Подвиг Ленинграда привлекал неизменное внимание общественности всей страны.

В таких условиях командующий фронтом ежедневно, ежечасно ощущал помощь, оказываемую ему в решении военной задачи этого периода. Речь шла о выполнении третьего и главного тезиса из наказа Ставки, выслушанного им полтора года назад: подготовить внутри блокады ударную группировку для крупной наступательной операции.

11 января 1944 года Л. А. Говоров и А. А. Жданов на заседании Военного совета фронта, на котором присутствовали

командармы, подвели последние итоги подготовки и объявили день начала операции с ораниенбаумского плацдарма 14, а со стороны Пул кова —15 января.

Говоров лаконичен. Известная всем тетрадка лежит перед ним закрытой, но наверняка в ней бисер ным почерком отмечено все по пунктам, словно miai лекции в академии. Сейчас командующий фронтонах бы отделяет то, что проделано за три месяца под готовки, от того, что предстоит сделать после начал; операции. Пройдет еще трое суток и наступит для всех совершенно иная жизнь.

Сегодня предмет особого внимания Говорова — на мерения противника в динамике операции. Он под

Маршал Советского Союза Л. А. Говоров

Первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии, член Военного совета Ленинградского фронта А. А. Жданов. 1943 г.

Секретарь Ленинградского горкома партии, член Военного совета Ленинградского фронта А. А. Кузнецов вручает знамя и орден 1-му гвардейскому понтонному батальону (слева от Кузнецова Б. В. Бычевский)

Председатель Ленинградского облисполкома, член Военного совета Ленинградского фронта генерал-майор Н. В. Соловьев

Слева направо: начальник разведотдела штаба Ленинградского фронта генерал-майор П. П. Евстигнеев, начальник штаба фронта генерал-лейтенант Д. Н. Гусев, командующий артиллерией фронта генерал-майор Г. Ф. Одинцов. 1943 г.

Командующий 42-й армией Ленинградского фронта генерал-майор И. Ф. Николаев. 1942 г.

Командующий 67-й армией Ленинградского фронта генерал-лейтенант М. П. Духанов

Слева направо: командующий 55-й армией генерал-майор артиллерии В. П. Свиридов, член Военного совета 54-й армии бригадный комиссар Д. И. Холостов, командующий 54-й армией генерал-майор И. И. Федюнинский. 1941 г.

Командно-политический состав дальнобойной артиллерии Ленинграда, которая вела активную борьбу с осадной артиллерией фашистов. В первом ряду слева направо: Н. Н. Жданов, Г. Ф. Одинцов, Т. Ф. Штыков (член Военного совета фронта), Г. Д. Голубев, И. И. Грен, Н. П. Витте; во втором ряду в центре: М. С. Михалкин, В. С. Короб-ченко, И. М. Пядусов. 1942 г.

Генерал-полковник Л. А. Говоров вручает гвардейское знамя командиру 63-й гвардейской дивизии генералу ■Н. П. Симоняку после прорыва блокады. 1943 г.

Семья Говоровых. 1951 г.

I черкивает: на правом фланге армии Федюнинского * появились новые части — моторизованная бригада СС . «Нидерланды». Она переброшена из Европы. У Гат-. чины сосредоточивается 61-я пехотная дивизия, подтянутая из-под Мги. Линдеман намерен драться упорно. Но как? Решения и действия

противника в ходе операции — вот что должно быть в центре внимания, когда начнется прорыв.

Жданов, в свою очередь, обращает внимание на то, что Говоров называл «опасной привычкой войск к окопной неподвижности» в период позиционной обороны. Ряд дивизий в обеих ударных группах до этого не участвовал в крупных наступательных боях. Там солдатам, командирам, политработникам предстоит очень резкий переход к длительному и сосредоточенному напряжению всех духовных и физических сил уже в иных формах боя, на большую глубину наступления. Этого нельзя забывать, руководя , людьми.

Не без учета этого была произведена и расстановка соединений в ударных группировках при оперативном построении армий. В 42-й армии в первом эшелоне, состоявшем из трех стрелковых корпусов, в центре полосы прорыва поставлены испытанные в прорыве блокады дивизии 30-го гвардейского корпуса генерала Н. П. Симоняка. Соседним корпусам первого эшелона — справа 109-му генерала И. П. Алферова и слева 110-му генерала И. В. Хазова — предстоят, может быть, более трудные бои в начале прорыва, поскольку на их флангах укрепленные города Урицк и Пушкин. Но центр и вершина тарана при прорыве обороны играют в данном случае более важную роль.

На участке 2-й ударной армии прорыв начинают дивизии 43-го стрелкового корпуса генерала А. И. Анд-

реева и 122-го стрелкового корпуса генерала П. А. Зайцева. И здесь много частей, получивших опыт в недавних синявинских боях.

Туманная с изморозью ночь на 15 января сорок четвертого года. Как будто такая же бессонно-настороженная, как и два года назад, по всей полосе искалеченных южных окраин Ленинграда — от изрубленного снарядами Шереметьевского парка до развалин Пулковской обсерватории и одиноких печных труб на Средней Рогатке. В Смольном, как всегда, горит свет.

В пору глухой блокады перед рассветом лишь одиночки-снайперы пробирались под Пулково поближе к немецким траншеям с пачкой патронов. Сегодня в густом тумане, чуть звякая оружием, идут и идут дивизии Симоняка. Движутся

пустынными улицами через открытые для них проходы в баррикадах, между бетонными надолбами, через густую сеть проволочных заграждений, а потом по лабиринту глубоких траншей добираются с проводниками до исходного рубежа в ста-двухстах метрах от фашистов. Саперы, расчищающие минные поля, даже слышат частые тревожные команды гитлеровских офицеров: «Ахтунг»...

Операция фактически началась еще в ночь на 14 января внезапным авиационным ударом по особо важным целям в глубине обороны фашистов. Беспокойство Говорова вызывала сильная группировка дальнобойной артиллерии в районе хутора Беззаботного, к югу от Стрельны. Вражеские батареи, укрытые там в долговременных сооружениях, могут маневрировать огнем в обоих направлениях нашего наступления. Говоров попросил у Ставки специальную группу ночных бомбардировщиков для массиро-1анного удара перед операцией. Такой удар и был нанесен.

Утром 14 января 2-я ударная армия генерала И. И. Федюнинского начала наступление с ораниенбаумского плацдарма. А 15 января главный удар с Пулкова должна была наносить 42-я армия генерала И- И. Масленникова.

Утро проходило в Смольном в нетерпеливом ожидании сведений от Федюнинского, куда вылетел через залив Говоров. Сильный туман закрыл аэродромы, и командующий 13-й воздушной армии генерал С. Д. Рыбальченко нервничал. Говоров собирался возвратиться в Ленинград сегодня утром. Но как сядет самолет в таком молоке из тумана, да и найдет ли летчик аэродром?

Все обошлось благополучно. Однако, Одинцов, .'евший с Говоровым, поеживался, вспоминая пе-(елет:

— Долго кружились, опускались, поднимались, таясь пробиться к невидимой земле. Ни слова не проронил наш командующий... Перед отлетом сказал: Мне надо быть в Ленинграде сегодня», а когда при-“ [лились, поблагодарил пилота: «Спасибо»... Умеет [рн молчать.

Историческое сражение за полную ликвидацию досады Ленинграда и избавление его от обстрелов ;адной артиллерией в целом положило начало разгрому всего северного крыла Восточного фронта гитлеровцев.

Р Сжатая хроника событий выглядит следующим образом.

14 января. Полки реактивной артиллерии в полосе 2-й ударной армии генерала Федюнинского, тяжелые ˚РУДия фортов «Серая Лошадь» и «Красная Горка»,

на нее с тыла и в яростном ночном бою уничтожают гарнизон

этого мощного узла.

19 января. К двенадцати часам дня заканчивается ожесточенный штурм Красного Села. Гарнизон гитлеровцев яростно сопротивляется. Ближний бой идет среди горящих домов. Зимняя стужа, а путь преграждают потоки воды: фашисты взорвали плотину у станции и мосты через реку Дудергофку.

В небе господствует наша авиация, наши войска превосходят вражеские и в танках. В 16 часов 50 минут подвижная танковая группа 42-й армии, введенная в прорыв, пробивается к Русско-Высоцкому, отрезая путь отхода вражеской группировке, не успевшей выскользнуть из района Петергофа, Стрельни, поселка Володарского.

В 21 час в районе Русско-Высоцкого в ходе боя встретились передовые части 2-й ударной и 42-й армий,— разведчики 168-й дивизии и саперы 54-го инженерного батальона, сопровождавшие танковую группу.

Весь этот первый этап сложного сражения, длившийся пять суток, проходил в исключительно напряженном темпе. Естественно, он требовал такого же напряжения со стороны командования, штабов и политорганов. В иных масштабах, чем когда-либо раньше на Ленинградском фронте, организовывалось в динамике боя взаимодействие больших масс пехоты, артиллерии, танков, авиации. Командармы и командиры корпусов, дивизий иногда по два-три раза в сутки перемещали свои командно-наблюдательные пункты в зоны действий передовых частей.

Ленинградские газеты, армейская печать, боевые листки рассказывали о многочисленных примерах героизма и боевого мастерства воинов, подразделений и крупных соединений.

И

Все это сохранила и подробно зафиксировала история и нет возможности обо всем рассказать в кратком очерке.

Подтвердилось многое из предположений и расчетов командующего фронтом. Несмотря на наше превосходство над противником в численности пехоты и в боевой технике, сопротивление фашистов все пять суток было крайне упорным! Как и предполагал Говоров, на флангах полосы прорыва 42-й армии в укрепленных городах оно оказалось особенно длительным. Гвардейские дивизии Симоняка в этих условиях с честью выполнили роль тарана и вершины клина. Например, 63-я гвардейская стрелковая дивизия до последних суток первого этапа операции уже в районе Красного Села, Дудергофа и Вороньей горы шла в вершине клина. Ряду командиров этой дивизии, в том числе и полковнику А. Ф. Щеглову, было

присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Не все шло в первые пять суток так, как планировал командующий. Были разгромлены две фашистские дивизии, нанесли тяжелое поражение еще пяти дивизиям, но эти пять дивизий продолжали упорно сопротивляться. Захвачено в плен более тысячи солдат и офицеров, осадные орудия и материальная часть Петергофско-Стрельнинской группировки, однако значительная часть войск противника успела все же отступить в Красное Село. А это свидетельствовало, что Линдеман всеми мерами сохранял силы для дальнейшей борьбы. Многое зависело теперь от того, как Говоров продолжит стремительный темп операции в дальнейшем.

Страна отметила 19 января — начало победы под Ленинградом — салютом Москвы войскам Ленинградского фронта от имени Родины. Радио передало при-

каз Верховного Главнокомандующего генералу арыг : Говорову с объявлением благодарности войскам н о присвоении соединениям и частям, отличившимся з этих боях, наименования «Красносельских» и «Роп-шинских».

В эти же дни войска 59-й армии генерала И. Т. Ко-ровникова на Волховском фронте перерезали дороги, идущие от Новгорода на запад и юго-запад, и 20 января овладели Новгородом, захватив в плен более трех тысяч фашистских солдат и офицеров.

На вторые сутки после взятия Красного Села войсками Ленинградского и Новгорода войсками Волховского фронтов резко изменилась обстановка на мгин-ском участке. Кюхлер под явной угрозой окружения своих главных сил в результате разрастающегося наступления Говорова и Мерецкова на флангах решил быстро и скрытно вывести группировку 18-й армии Линдемана из района Мги.

67-я армия Ленинградского фронта, которой командовал генерал-лейтенант В. П. Свиридов ', была своевременно предупреждена Говоровым о вероятности такого развертывания событий. Войска генерала Свиридова едва успели заметить начало этого скрытно готовившегося отхода. 21 января ленинградцы и волховчане одновременно ворвались в поселок и на станцию Мга. Теперь пришли в движение силы еще двух армий — 67-й и 8-й — на стыке двух фронтов. Немецко-фашистские части очень быстро отступали в общем направлении на юго-запад к городу Луге.

Началась как бы цепная реакция. В быстром темпе наши войска штурмуют или окружают опор- [5]

ные пункты противника — города Пушкин, Слуцк (Павловск), а затем Гатчину. Этот «узел узлов» особенно силен. Линдеман

хотел бы продлить там сопротивление, чтобы успеть отвести как можно больше дивизий на тыловую полосу «Пантера». Говоров торопит командармов, а те — командиров корпусов.

24 января гитлеровцы разгромлены в Пушкине и Слуцке, а 26 января после ожесточеннейших боев завершается штурм Гатчины.

Эго особый день в летописи Ленинградской эпопеи, ибо взятие Гатчины знаменовало, по существу, полную ликвидацию блокады города Ленина, окончательное прекращение обстрелов города дальнобойной артиллерией.

27 января Военный совет Ленинградского фронта издал специальный приказ войскам Ленинградского фронта в ознаменование победы. Его подписали генерал армии Л. А. Говоров, члены Военного совета генерал-лейтенант А. А. Жданов, генерал-лейтенант А. А. Кузнецов, генерал-майор Н. В. Соловьев и начальник штаба фронта генерал-лейтенант Д. Н. Гусев.

Приказ был обращен не только к войскам фронта и морякам Краснознаменного Балтийского флота, но и к трудящимся города Ленина.

«В итоге боев,— говорилось в нем,— решена задача исторической важности: город Ленина полностью освобожден от вражеской блокады и от варварских артиллерийских обстрелов противника.

...Граждане Ленинграда! Мужественные и стойкие ленинградцы! Вместе с войсками Ленинградского фронта вы отстояли наш родной город. Своим героическим трудом и стальной выдержкой, преодолевая все трудности и мучения блокады, вы ковали оружие победы, отдавая для дела победы все свои силы».

27 января в 20 часов 324 орудия дали в Ленинграде салют 24 залпами. Все ленинградцы вышли на улицы, площади, набережные. Никто не хотел оставаться дома.

Сражение без паузы продолжало развиваться все глубже и шире.

Были освобождены Любань, Чудово. Октябрьская железная дорога очищена от противника.

1 февраля взят Кингисепп, войска Федюнинского двинулись на Нарву; 12 февраля войска Свиридова овладели Лугой.

Этот быстрый и сокрушительный разгром немцев под Ленинградом и Новгородом вывел на новые оперативные направления войска Ленинградского, 2-го Прибалтийского и 1-го Прибалтийского фронтов. Изменилась вся обстановка на северо-западном театре военных действий. 13 февраля Ставка расформировала Волховский фронт, передав три его армии Ленинградскому и одну 2-му Прибалтийскому фронту.

Для командующего Ленинградским фронтом Л. А. Говорова наступил новый этап полководческой деятельности на обширном театре: на запад и юг — под Нарвой, Псковом, на север — на Карельском перешейке.

В финальных сражениях 18 июня 1944 года Леониду Александровичу Говорову указом Президиума Верховного Совета Союза ССР было присвоено звание Маршала Советского Союза. Это случилось в разгар, точнее на заключительном этапе одной из финальных операций войск Ленинградского фронта — операции по разгрому финской армии на Карельском перешейке.

Из исторических трудов, изданных после Великой Отечественной войны, известно в деталях, как блестяще была она подготовлена и проведена. Напомним, что, начав прорыв первой полосы обороны финнов 10 июня, войска 21-й армии генерала Д. Н. Гусева [6] уже к 12 июня, преодолев 30—40 километров, вышли к мощному железобетонному поясу — новой «линии Маннергейма», 14 июня начали штурм и за шесть суток прорвали и ее, и третью, перед Выборгом, полосу. (В 1939—1940 году на «прогрызание» старой «линии Маннергейма» потребовалось 100 суток.)

В это время штаб Ленинградского фронта возглавлял генерал-полковник М. М. Попов — талантливый военачальник (до сентября 1941 года он командовал этим же фронтом). Маркиан Михайлович был участником крупнейших сражений Великой Отечественной войны — под Сталинградом, Воронежем, Брянском, Курском. Именно он, командуя 2-м Прибалтийским фронтом, преследовал 16-ю немецкую армию. В Смольный Маркиан Михайлович пришел, как в знакомую квартиру, оглядел старых сослуживцев, и, улыбаясь, сказал:

— Что ж, товарищи, знакомые все вижу лица...

В 21-ю армию к Д. Н. Гусеву был переведен ряд опытнейших генералов и офицеров из 42-й, начиная с начальника штаба Г. К. Буховца и командующего артиллерией М. С. Михалкина. Над Гусевым подшу-

чивали, что он опять «подходящую собрал семейку». В центре созданной ударной группировки встал 30-й гвардейский стрелковый корпус Симоняка.

Успех операций Ленинградского фронта был обусловлен не только этими обычными для каждой наступательной операции организационными мероприятиями и конечно не только тем, что Говоров по-прежнему строго контролировал деятельность каждого начальника рода войск в штабе и лично проводил

оперативные штабные учения, хотя и то и другое играло в подготовке войск к операции далеко не второстепенную роль. Главное заключалось в обогащенном опытом минувших лет войны высоком полководческом искусстве командования Ленинградского фронта, прежде всего самого Говорова, в слаженности, огромной работоспособности и высокой культуре штаба фронта, всех его звеньев.

Самой, пожалуй, характерной в ходе боев за Карельский перешеек была ночь на 12 июня, когда в центре полосы прорыва, как раз на середине перешейка, дивизии гвардейского корпуса Симоняка, достигнув рубежа мощных железобетонных укреплений второй полосы финнов, замедлили темп продвижения и стали нести значительные потери. В эту ночь Ставка, следившая за успешным, даже бурным развитием операции, установила Говорову срок взятия Выборга — через шесть-семь суток. А до Выборга было еще 90 километров!

Симоняк доносил, что перед ним — мощный узел в районе Кивенаппы — 48 железобетонных дотов, по 12 на каждый километр. Они вписаны в разветвленную систему рвов, траншей, надолб. Лесистые сопки, вроде Вороньей горы. И Маннергейм, по данным разведотдела фронта, уже стягивает против Симоняка резервы: 18-ю пехотную дивизию, части танковой дивизии; с севера, с Карельского фронта, перебрасывается 4-я пехотная дивизия.

«Думай, думай,— твердил себе Говоров,— на твоей ответственности тысячи и тысячи человеческих жизней, успех или провал прорыва».

Получив от Ставки директиву о завершении прорыва в такой жесткий срок, Говоров решил позвонить лично Сталину. Штурм мощного железобетонного пояса без хотя бы короткой подготовительной паузы— серьезное дело. В Москве успех ленинградцев в первые двое суток могли объяснить слабостью противника, там могли и не знать деталей реальной обстановки и состояния долговременной оборонительной полосы финнов. Сравнивать обстановку с той, что была в 1939—1940 годах, неразумно. Верховный Главнокомандующий ответил Говорову, что предоставляет ему право самому решить — прорывать ли укрепленный район с ходу или сделать паузу для подготовки. Он знал Говорова достаточно хорошо и доверял ему.

Это была бессонная ночь для командующего и всего Военного совета. Еще и еще раз взвесив и проанализировав обстановку, сложившуюся в полосе прорыва и на всем фронте, Леонид Александрович решил — паузы не делать, но главный удар быстро, неожиданно для противника, перенести из центра

финского железобетонного пояса на побережье Финского залива. Не предполагаемый никем маневр. Маинергейм ждет развития прорыва в центре, в районе Кивенаппы, где действует и прославленный в штурмах гвардейский корпус Симоняка, боевые качества которого ему известны, и вся масса артиллерии. Сюда он подтягивает все свои резервы...

В ночь на 13 июня леса севернее Приморской железной дороги заполнились глухим гулом. Двадцать

четыре инженерных батальона обеспечивали на дорогах маневр-рокировку артиллерийского корпуса прорыва через участки с разрушенными мостами и плохими дорогами. Начальник штаба и начальник разведотдела фронта в это время буквально с математической точностью старались определить возможности Маннергейма в ближайшие несколько суток.

Резкое изменение направления главного удара без паузы решило все. На левом, приморском фланге в сражение введены из резерва 108-й и 110-й стрелковые корпуса, танковые части. Десанты, высаженные с катеров Краснознаменного Балтийского флота, при артиллерийской поддержке боевых кораблей атакуют острова Бьеркского архипелага, парализуя резервы Маннергейма в зоне Выборгского залива.

Это была «красивая», по выражению начальника штаба фронта Маркиана Михайловича Попова, операция с точки зрения военного искусства.

Никогда еще наступление не развивалось с такой быстротой, как в течение недели с 14 по 21 июня. 16 июня дивизии прошли 15 километров, 17-го столько же, 18 июня—25 километров. Маннергейм в крайней спешке перебрасывал под Выборг, на третью полосу обороны, резервы из-за Ладоги со свирско-петрозаводского направления, но было поздно. 19 июня войска Ленинградского фронта с ходу прорвали и третью полосу обороны противника, а вечером 20 июня штурмом взяли Выборг.

На другой день войска Карельского фронта, которым командовал генерал армии К. А. Мерецков, начали наступление на свирско-петрозаводском направлении.

Разгром финской армии был неминуем. Правительство Финляндии стало перед дилеммой — продолжать бессмысленную войну на поводке у Гитлера или как можно быстрее выходить из нее.

Не менее характерной была операция по разгрому немцев в Эстонии.

К концу августа на нарвском участке фронта сложилась трудная для наших войск обстановка. На этом узком участке между финским заливом и Чудским озером гитлеровское

командование создало сильную нарвскую группу войск с большим количеством танков и артиллерии. Замысел противника был ясен: сковать у Нарвы силы Ленинградского фронта, сохранить весь эстонский плацдарм, а на рубеже «Пантера» упорно оборонять от Прибалтийских фронтов рижское направление вблизи границы Восточной Пруссии, то есть на стратегическом фланге советско-германского фронта. Дивизии 2-й ударной и 8-й армий Ленинградского фронта, форсировав реку Нарва, втянулись в затяжные бои на плацдармах, исключавших вследствие их ограниченных размеров возможность маневра. В это время противник владел всем побережьем к востоку и западу от Таллина, глубоким оперативным тылом, включая Моонзундские острова и Рижский залив.

Однако обстановка на северо-западном участке советско-германского фронта заметно менялась. Операции войск 3-го и 2-го Прибалтийских фронтов, развивавшиеся западнее и северо-западнее Пскова и Псковского озера на территории Латвии, уже создавали условия для близкого разгрома гитлеровцев в районе Риги. Войска 1-го Прибалтийского фронта пробивались к балтийскому порту Мемель (Клайпеда), отсекая тем самым группу армий «Север» от группы «Центр». А еще южнее войска Белорусских

фронтов, завершив крупную операцию, вышли на Вислу, затем на Неман, форсировали реку и приблизились к границам Восточной Пруссии.

В такой обстановке маршал Говоров решил предложить Ставке Верховного Главнокомандования свой новый замысел: глубокий марш-маневр 2-й ударной армии И. И. Федюнинского, насчитывавшей около 100 тысяч человек, от Нарвы на юг вдоль Чудского озера со скрытной переправой этой армии через трехкилометровую протоку — Теплое озеро между Чудским и Псковским озерами. Идея заключалась в том, чтобы, приняв от 3-го Прибалтийского фронта участок в районе города Тарту, нанести свежими силами Ленинградского фронта внезапный удар на север, в направлении на Таллин, и тем отрезать Нарв-скую группу войск.

Конечно, не одна бессонная ночь рождает у полководца новые замыслы, решения. Это не легкое мгновенное вдохновение.

Рабочие тетради командующего — неизменные и молчаливые спутники раздумий — дают некоторое представление о процессе его труда. Размышления над картой обширного театра военных действий перемежаются с расчетными выкладками, заданиями штабу подготовить различные сведения, сводки. Живая сила и техника... Время и расстояние... Соотношение сил, возможные

варианты решений пока еще мало знакомого противника — нового командующего немецко-фашистской группой армий «Север» генерал-полковника Шернера.

Замысел Говорова нравился всем. Начальник штаба Попов работал с увлечением и был отличным помощником Говорову. Переброска сил Ленинградского фронта за озера и внезапный удар оттуда на Таллин по тылам Нарвской группы сразу создают для Шернера угрозу потери всех сил в Эстонии. Бежать фашистам из Эстонии придется быстро-быстро и только морем. Характерной чертой этого замысла является и то, что он выходит за рамки одного фронта: войска 3-го и 2-го Прибалтийских фронтов получают возможность форсировать наступление на Ригу, а 1-го Прибалтийского — на Мемель.

В те дни и ночи Леонида Александровича не раз можно было застать над картами всего Прибалтийского театра военных действий. Он побывал на тартуском участке 3-го Прибалтийского фронта, посоветовался с его командующим генералом армии Масленниковым, рассчитал с командующим Краснознаменным Балтийским флотом адмиралом В. Ф. Три-буцем возможности использования сил фронта в операции как при переброске армии через Теплое озеро, так и под Таллином. Штаб фронта провел тщательную рекогносцировку маршрута и подходов к району переправ.

В Ставке Верховного Главнокомандования в этот период уже разрабатывалась общая стратегическая операция в Прибалтике на осенний период 1944 года с учетом предложений командующих фронтами. Предложение маршала Говорова о привлечении к этой операции и Ленинградского фронта было принято. Еще до получения письменной директивы Ставки штаб фронта, по указанию Говорова, развернул интенсивнейшую подготовку к операции.

Марш-маневр и переправу 2-й ударной армии на западный берег Чудского озера Говоров взял под непосредственный контроль командования и штаба фронта, придавая исключительное значение их быстроте и скрытности.

Маскировочный план был сравнительно прост, но именно в этой простоте и заключался секрет замыс-

ла. Некоторое количество автотранспорта и тыловые части направить по дорогам на юг до самого Пскова и через Псков в район 3-го Прибалтийского фронта. Эти колонны пройдут мимо переправ. Воздушная разведка врага, от которой невозможно

полностью скрыть движение войск на почти 200-километровом пути, неизбежно обнаружит колонны машин и техники и сделает вывод, что идет переброска войск от Нарвы на 3-й Прибалтийский фронт через Псков. В действительности же главные силы 2-й ударной армии по строжайшему графику должны подходить к переправам через Теплое озеро и переправляться только ночью: незаметно «свернуть в переулок».

Характерна для этого периода войны концентрация сил для обеспечения быстроты маневра крупных масс войск и техники. В переправах участвовало шесть моторизованных понтонных батальонов, две инженерные бригады и 25-я бригада речных кораблей, созданная командованием Краснознаменного Балтийского флота на Чудском озере. От ударов авиации противника переправы прикрывала 275-я истребительная авиационная дивизия и части 7-й зенитно-артиллерийской дивизии.

Чтобы дать представление о темпе маневра, который установил Л. А. Говоров, приведем несколько цифр и дат.

Директиву Ставки Леонид Александрович получил 2 сентября. Уже на следующий день генерал Федюнинский должен был передать Нарвский участок фронта 8-й армии, 4—5 сентября совершить 150-километровый переход и рекогносцировки, с 6 по 10 сентября осуществить переправу, 14 сентября сосредоточиться в исходном положении для прорыва под Тарту, да еще с готовностью форсировать в бою реку Амме. Кроме того, Говоров обязал Федю-нинского 13 сентября провести с командирами соединений военную игру по всей динамике предстоящего сражения.

И опять Говоров сделал артиллерию главной ударной силой в начале операции, создав плотность огня не менее 150 стволов на каждый километр, а общий фронт прорыва определялся в 16 километров. 2400 орудий!

Ночные переправы огромной массы войск и техники через трехкилометровую протоку проходили с пяти пристаней-пирсов, подготовленных понтонными и саперными батальонами в зарослях прибрежных камышей. Работали тяжелые самоходные паромы «СП-19», паромы тяжелого понтонного парка ТПП, тендеры с буксирными катерами бригады речных кораблей. К рассвету все укрывалось в зарослях. Воздушная разведка противника, как это и было задумано, видела только некоторые колонны машин, двигающихся от Нарвы на Псков и далее. Фашисты ничего не обнаруживали на озере, поскольку истребительная авиация прикрытия немедленно отгоняла от района переправ появлявшиеся там вражеские самолеты. Никаких

бомбежек, никаких потерь. Армия Фе-дюнинского сосредоточилась скрытно и точно в сроки, определенные маршалом Говоровым.

Удар оказался внезапным, сокрушительным, с абсолютным превосходством в силах и вызвал у гитлеровского командования именно ту реакцию, которую ожидал Л. А. Говоров.

17 сентября 2-я ударная армия прорвала фронт обороны врага в районе Тарту, за сутки с боями прошла до 28 километров и к вечеру Леонид Александрович получил донесение с нарвского участка, что гитлеровцы спешно на машинах начали отход на Ракверe — к Таллину и на Пярну — к Риге. Теперь реше-

ние задачи в целом зависело от того, кто будет быстрее двигаться — бегущие фашисты или преследующие их советские войска.

8-я армия генерал-лейтенанта Ф. Н. Старикова в ночь на 19 сентября перешла к преследованию. Говоров стремился отсечь нарвской группе войск пути к побережью Рижского залива, в район Виртсу, Пярну, откуда противник мог уйти на судах. Однако при стремительном развитии событий сказывалось отсутствие крупных танковых соединений.

Армия Старикова за двое суток прошла 90 километров. Говоров передал в ее состав 8-й Эстонский корпус из 2-й ударной армии. К утру 22 сентября подвижные отряды из танковых бригад с пехотой и самоходной артиллерией уже дрались в Таллине и в середине дня очистили от противника столицу Эстонской ССР. Еще через двое суток было освобождено от врага все западное побережье Эстонии от Пал-диски до Виртсу.

В эти дни 2-я ударная армия быстро продвигалась на запад, к Пярну, встречая небольшое сопротивление арьергардов противника. Город Пярну был занят 23 сентября. Наступая далее на юг, вдоль побережья Рижского залива, части 2-й ударной армии 26 сентября на рубеже Салацгрива — Мазсальца встретились с войсками 3-го Прибалтийского фронта, продвигавшимися к Риге с северо-востока.

27 сентября Ставка Верховного Главнокомандования вывела 2-ю ударную армию в свой резерв. Р-я армия завершила освобождение материковой части территории Эстонии от немецко-фашистских оккупантов.

Маршал Говоров был и доволен и недоволен итогами операции, казалось бы, блестящей по темпам. Доволен выполнением своего замысла, подтверждением своего прогноза реакции противника и недоволен тем, что часть сил противника все же успела уйти из материковой части Эстонии на острова Моон-зундского архипелага и в район Рижского обвода, где будет

действовать против войск соседних фронтов. Правда, вероятность выскальзывания части немецко-фашистских сил в какой-то степени зависела от темпа прорыва и наступления соединений соседних фронтов, который оказался более медленным, чем планировалось Ставкой. Однако Леонид Александрович Говоров требовал от себя большей ответственности за все, что происходит не только на его участке, но и на всем театре военных действий.

Миновал 1944 год, в течение которого Советская Армия нанесла серию сокрушительных ударов, приведших к изгнанию фашистских оккупантов из пределов Советского Союза. Предстояло завершить разгром гитлеровской Германии на ее территории и помочь народам Европы освободиться от фашистского ига.

27 января 1945 года, в первую годовщину снятия блокады Ленинграда, Леонид Александрович Говоров указом Президиума Верховного Совета СССР был удостоен звания Героя Советского Союза. А в феврале Ставка назначила его командующим 2-м Прибалтийским фронтом вместо генерала армии А И. Еременко. Одновременно за Говоровым сохранялся пост командующего Ленинградским фронтом, часть войск которого переводилась на центральные стратегические направления для участия в завершающих сражениях Великой Отечественной войны.

Перед 2-м Прибалтийским фронтом была поставлена задача — во взаимодействии с Краснознамен-

ным Балтийским флотом не допустить ухода с северную и центральную Германию блокированной на Курляндском полуострове большой вражеской группировки — до 30 дивизий.

Маршал Говоров перебросил в Курляндию дополнительные силы из состава Ленинградского фронта, значительную часть Своего штаба. В этих условиях управление 2-го Прибалтийского фронта стало излишним и вскоре было упразднено, а фронт стал называться Ленинградским.

Так ход событий привел Леонида Александровича в те места, где перед войсками Ленинградского фронта должны были поднять белый флаг безоговорочной капитуляции более 40 гитлеровских генералов группы армий «Север». В свое время Гитлер обещал им захват Ленинграда в течение восьми недель после начала войны. Настойчиво пробиваясь к Ленинграду, а затем отступая в обратном направлении, немецко-фашистские войска оставили на дорогах и полях нашей страны значительную часть своих солдат. Остальным снова предстоял путь в глубину России, но на этот раз в колоннах пленных.

...Неповторима весна 1945 года, первые дни мая. Как всегда, опьяняюще пахло черемухой, чувствовалось дыхание зеленеющих

полей, слышались торжествующе-звенящие утренние трели жаворонков. И все это было наполнено ожиданием. Шли последние дни, а может быть, часы и минуты войны.

Ждали солдаты, ждали и маршалы.

На рассвете 7 мая в одном из маленьких домиков литовского городка-поселка Мажейкяй, где размещался командный пункт Ленинградского фронта, маршал Л. А. Говоров, член Военного совета генерал-лейтенант В. Н. Богаткин и начальник штаба генерал-полковник М. М. Попов тоже ждали чрезвычайных сообщений.

Леонид Александрович только что подписал ультиматум командованию Курляндской группы немецко-фашистских войск, прижатых к морю, и приказал передать его в эфир на волне вражеской радиостанции.

Тогда Военному совету фронта еще не было известно, что примерно в те же часы (2 часа 41 минута 7 мая) в агонизировавшей фашистской Германии, в городе Реймсе, заканчивался последний акт войны. Главнокомандование германскими вооруженными силами в лице Иодля уже поставило подпись на предварительном протоколе о капитуляции. Военному совету фронта не было известно и то, что в эти же часы в ставке гроссадмирала Деница, преемника покончившего с собой Гитлера, оставшиеся в живых фашистские главари лихорадочно искали возможность выиграть хотя бы сутки для сдачи максимального количества своих войск в плен американцам и англичанам.

Через несколько часов из Ставки Верховного Главнокомандования сообщили о происшедших событиях всем командующим фронтами. И о том, что начальник Генерального штаба генерал армии А. И. Антонов передал главам английской и американской военных миссий в Москве письмо, содержащее требование о подписании 8 мая в Берлине Акта о безоговорочной капитуляции взамен временного акта, подписанного Йодлем в Реймсе.

Немедленно по получении этого сообщения Говоров и Богаткин решили написать и сбросить над позициями врага краткую листовку. Вскоре десятки тысяч красных листков разлетелись над всем Кур-юз

ляндским полуостровом. В них излагалось требование к немецко-фашистским частям повсеместно сложить оружие и сдаться в плен.

Одновременно Говоров приказал всем командующим армиями иметь в готовности танковые и моторизованные группы для быстрого выхода в район портов Либава (Лиепая) и Виндава

(Вентспилс). Для такого решения были основания. На Курляндском полуострове еще шли бои. Здесь находилось более двадцати дивизий 16-й и 18-й армий бывшей группы армий «Север», именуемой теперь группой «Курляндия» и насчитывавшей около двухсот тысяч солдат и офицеров. Войска Говорова продолжали расчленять и дробить их в районе Тукумса, Салдуса. Но разведывательные данные говорили о том, что командование группы «Курляндия» еще не оставило надежды ускользнуть, хотя бы частью сил, морем в Северную Германию. Бежать. Бежать от страшной встречи с советскими судьями, от возмездия за злодеяния на советской земле.

...Шли часы. В домиках, занимаемых различными управлениями и отделами штаба фронта, генералы и офицеры, поставленные в известность о последних событиях, продумывали организацию приема огромного количества пленных.

В нескольких километрах от командного пункта, в покинутой населением деревушке, оборудовали лагерь— сборный пункт для пленных фашистских генералов и офицеров. По подсчетам начальника разведотдела Евстигнеева генералитет Курляндской группы должен был составлять свыше сорока человек. Петр Петрович ошибся на несколько человек в меньшую сторону. И еще он ошибся в одном: командовал этой группой уже не генерал-полковник Рен-дулич, а генерал пехоты Гильперт, бывший командующий 16-й армией. «Игральная колода карт» Гитлера продолжала тасоваться до последних дней. И Рендулича, и его предшественника фельдмаршала Шернера, оказывается, перебросили в Чехословакию и Австрию, где они возглавили остатки германских войск.

Говоров вызывал штабных офицеров, проверяя подготовку к финальному акту. Кроме организации процедуры приема огромного количества капитулировавших солдат и офицеров со всей их боевой техникой, его интересовали и некоторые другие моменты. Командующий артиллерией фронта генерал-лейтенант Одинцов доложил, что в составе пленных будут и те, кто непосредственно возглавлял осадную артиллерию, пытавшуюся превратить Ленинград в развалины.

— Теперь вы имеете возможность лично «познакомиться» с ними,— усмехнулся Леонид Александрович, когда Одинцов назвал фамилии командующего артиллерией 18-й армии генерала Фишера, командиров специальных осадных групп генералов Томашки, Бауэрмайстера.

і — Конечно, взглянуть, как они будут выглядеть теперь, небезынтересно, Леонид Александрович,— улыбнулся Одинцов.— Боюсь только, не зачешутся ли у меня руки во время такого

знакомства... А рука у меня тяжелая.

— Ничего, выдержите и это испытание. Подготовьте заранее перечень вопросов. Кстати, в последних боях немецкая самоходная артиллерия была очень активна во взаимодействии с танками при маневрах с рубежа на рубеж. Тактика оборонительных действий этим методом представляет определенный интерес. Это своеобразный броневой пояс при активной обороне. И очень маневренный.

На Военном совете обсуждалась проблема быстрейшего разминирования немецких оборонительных рубежей в Курляндии, их тыловых районов, портов на побережье. Там можно было ожидать всяких сюрпризов. Говоров разрешил поставить «на уборку» все саперные батальоны капитулировавших войск — их должно быть больше двадцати, если считать по количеству дивизий. За время наступательных операций войск Ленинградского фронта саперы врага применяли не только массовое минирование зон отступления, но и изуверские приемы, вроде минирования трупов расстрелянных советских партизан и жителей окрестных сел.

— Как вы организуете контроль работ пленных по очистке местности? — спросил у меня Леонид Александрович.

В этом сложном деле помогала уже хорошо налаженная организация контроля разминирования специальными отрядами, располагавшими собаками минно-розыскной службы. В прошлом году подобным методом проверялась работа финских саперов, «убиравших» на Карельском перешейке свои минные поля. Если собаки с проводниками находили хотя бы одну мину, «уборщики» вынуждены были повторять поиск на всем участке.

— Что ж, проверьте, насколько тщательно они проделают эту работу,— сказал маршал, утверждая план очистки Курляндского полуострова от мин и всех взрывоопасных предметов.

Шли часы. Временами Маркиан Михайлович Попов звонил в штабы армий, в разведотдел, где внимательно слушали эфир. Отовсюду докладывали: на фронте вялая стрельба, почти тихо. Тихо было и в эфире.

Как показал дальнейший быстрый ход событий, а также допросы пленных генералов, причина молчания весь день 7 мая заключалась в том, что в штабе группы «Курляндия», в штабах ее армий и дивизий спешно уничтожали важнейшие оперативные документы. На это ушли почти сутки. Гильперт отмалчивался, хотя уже 7 мая знал о событиях в Реймсе.

На рассвете 8 мая, когда истекало время, обусловленное ультиматумом, Говоров собирался отдать приказ о нанесении сильного бомбового удара по скоплениям немецко-фашистских

войск в районе Либавы и Виндавы. Наши корабли и подводные лодки надежно блокировали побережье Балтийского моря и потопили уже немало транспортов, пытавшихся пробиться из Курляндии. Скопление в этих портах судов свидетельствовало, что Гильперт все еще хватается за соломинку.

В 7 часов утра станции радиоперехвата в Мажей-кяй наконец услышали то, что ждали целые сутки:

«Главнокомандующему 2-м Прибалтийским фронтом.

Всеобщая капитуляция принята. Устанавливаю связь и спрашиваю, на какой волне возможна связь с командованием фронта...

Командующий войсками группы «Курляндия» Гильперт, генерал пехоты».

Начальник разведотдела генерал Евстигнеев немедленно доложил об этом Леониду Александровичу. Бомбовый удар был отменен.

Теперь эфир ожил. Немного времени спустя Евстигнеев положил на стол Говорова еще одну перехваченную радиограмму:

«...Циркулярно. Всем, всем... Всем военно-морским силам Востока.

Ввиду принятия капитуляции седьмого мая сорок пятого года в 16.00 всем военным и торговым кораблям причалить к берегам, флаги спустить. Существующую до сих пор форму приветствия отменить. Штаб военно-морских сил Востока».

Говоров приказал послать Гнльперту радиограмму следующего содержания: «Прекратить все военные действия во всех подчиненных войсках и выставить белые флаги к 14 часам. Выслать немедленно своего уполномоченного в пункт Эзере для подписания протокола о порядке сдачи в плен немецких войск».

В 14 часов 35 минут пришел ответ Гильперта:

«Господину маршалу Говорову.

Подтверждаю прием Вашей радиограммы. Я приказал прекратить враждебные действия в 14.00 по немецкому времени. Войска, на которые распространяется приказ, выставят белые флаги. Уполномоченный офицер находится в пути по дороге Скрунда — Шомпали».

Небезынтересно, что в эти же примерно часы *8* мая в предместье Берлина Карлсхорст для подписания Акта о безоговорочной капитуляции Германии были под охраной доставлены из Фленсбурга представители главного немецкого командования во главе с фельдмаршалом Кейтелем. Церемонию подписания Акта в Берлине открывал Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков. Исторический документ был подписан ровно в полночь 8 мая.

К этому моменту в Курляндии весь передний край в полосе двадцати двух немецких дивизий был усеян белыми флагами.

Вот как описывает бывший офицер оперативного отдела штаба Ленинградского фронта подполковник Владимир Михайлович Ганкевич встречу уполномоченного Гильперта начальника тыла Курляндской группы генерала Раузера с начальником штаба фронта генералом Поповым, которому Леонид Александрович Говоров поручил принять капитуляцию немецких войск.

«Маркиан Михайлович стоял у домика в окружении нескольких генералов и старших офицеров и с усмешкой смотрел на приближающихся парламентеров.

— Генерал-майор Раузер — уполномоченный главнокомандующего группой армий «Курляндия» для подписания условий капитуляции перед командующим Вторым Прибалтийским фронтом,— отдавая честь, произнес на ломаном русском языке немецкий генерал.

Одновременно козырнули два сопровождавших его подполковника.

— Генерал-полковник Попов — уполномоченный маршала Говорова, командующего войсками Ленинградского фронта,— просто ответил Маркиан Михайлович.

С большим интересом мы наблюдали за выражением лица Раузера. Гитлеровский генерал, начальник тыла группы армий, вдруг занервничал и с тревогой спросил:

— Войсками какого фронта командует господин маршал Говоров?

— Маршал Говоров,— ответил Маркиан Михайлович,— командует войсками Ленинградского фронта.

В церемонии встречи произошла непредвиденная заминка. Генерал Раузер опешил...» [1]. Да, вот она неотвратимая встреча с ленинградцами!

[1] В. М. Ганкевич. Конец группы «Норд». Л., 1965, стр. 189.

В 22 часа 6 минут 8 мая 1945 года генерал Раузер подписал протокол о порядке сдачи в плен частей немецко-фашистской группы армий «Курляндия».

Леонид Александрович Говоров умер 19 марта 1955 года, 58 лет, от тяжелой формы гипертонической болезни, которой страдал еще во время войны.

В послевоенное десятилетие он занимал в Вооруженных Силах Советского Союза ряд ответственных постов. Был заместителем Министра Обороны СССР, Главнокомандующим ПВО страны. Авторитет Леонида Александровича в военных кругах оставался неизменно высок. Внешне многим он по-

прежнему казался слишком уж суховатым, неразговорчивым, очень требовательным и к подчиненным и к себе. Но эти сложившиеся в нелегкой юности и молодости черты характера не заслоняли его внутренней душевной простоты и ясности в главном: цель жизни — труд для Родины. Много сил он отдавал общественной деятельности, будучи депутатом Верховного Совета СССР. В 1952 году на XIX съезде партии его избрали кандидатом в члены Центрального Комитета.

Леонид Александрович был награжден орденом «Победы», пятью орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова I степени, орденом Кутузова I степени, орденом Красной Звезды и многими медалями. Ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Его именем названы одна из улиц Ленинграда, теплоход на Балтике, Радиотехническая академия в Харькове. В Военной академии имени Ф. Э. Дзержинского среди имен выдающихся выпускников и начальников золотыми буквами высечено на мраморе имя Леонида Алексан-

дровича Говорова. На стене здания Военной академии имени М. В. Фрунзе установлена мемориальная

доска с его именем.

Партия открыла Леониду Александровичу дорогу в большую жизнь, оценила его ум и талант. И не случайно, сознавая близость смерти, прощаясь с семьей, он в этот же день продиктовал письмо Центральному Комитету партии, в котором были сказаны и такие слова: «Я должен был бы сделать больше, но сделал, что успел, что смог...»

Содержание

I

В кольце блокады 3 Штаб и командующий 14 Не мыслю себя вне партии 31 Увертюра к прорыву 38 Прорыв 54 Разгром 18-й

армии 67 В финальных сражениях 90

Борис Владимирович Бы *невский*

КОМАНДУЮЩИЙ ФРОНТОМ

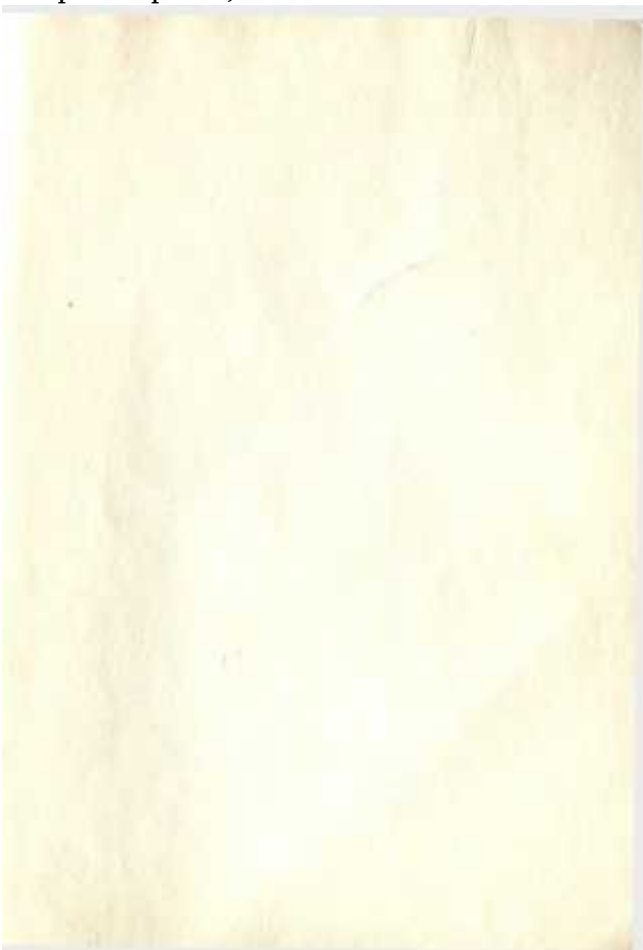
(О Маршале Советского Союаа Л. А. Говорове)

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец* Редактор Ю. *И. Харченко* Младший редактор М. С. *Лнисимона* Художественный редактор Г. Ф. сежиреченко Технический редактор О. М. *Семенова* Ответственный корректор *Н. В.* Петроченко

Подписано в печать с матриц а января 1974 г. Формат 70 X lOO'/u- Бумага типографская № 2. У слови, меч. л. 0,25. Учетно-иэд. л. 4,75. Тираж 200 000(100 001— 200 000) экз А00004. Заказ 3122. Цена 14 коп.

Политиздат, Москва, Л-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография -Красный пролетарий*. Москва, Краснопролетарская, 15.



ПОЛИТИЗДАТ*1&74

notes

1

2

«История Великой Отечественной войны Советского I Союза 1941—1945». Том второй. М., 1963, стр. 471.

3

«Правда», 27 января 1949 года.

4

До переброски под Ораниенбаум 2-й ударной армией командовал генерал-лейтенант В. З. Романовский.

5

В период подготовки к зимней наступательной операции управление 55-й армии на Колпинском участке фронта было расформировано, а войска, входившие в ее состав, подчинены 67-й армии.

6

В период подготовки этой операции генерал-лейтенант Д. Н. Гусев, начальник штаба Ленинградского фронта, был назначен командующим 21-й армии, переброшенной на Карельский перешеек в качестве ударной группировки.